

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Иван Татаренко

Внуки Характерников

«Автор»

2026

Татаренко И.

Внуки Характерников / И. Татаренко — «Автор», 2026

Роман-хроника, охватывающая почти полтора века истории одной казачьей семьи — от вольного Дикого Поля XIX века до сталинского Норильска и брежневского застоя. В основе рода — легенда о Характерниках, воинах-магах, чей взгляд наводил ужас на врагов и чей дар передавался из поколения в поколение. Дед сражается с турками на Шипке, сын идёт против японцев в Маньчжурии, внук выживает под Москвой в 41-м, а правнук строит никелевый комбинат за Полярным кругом, среди уцелевших зэков и бывших конвоиров. Войны, репрессии, любовь, предательство и родовая память — через судьбу пяти поколений одной фамилии прослеживается вся история России XIX–XX веков. Художественная семейная хроника, основанная на реальной истории рода автора.

© Татаренко И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ОГЛАВЛЕНИЕ	6
ПЕРВАЯ ЧАСТЬ	9
ОТЕЦ И СЫН	9
НОВАЯ ЖИЗНЬ	13
КАТОРЖНИКИ	15
БОЙ	19
НИКАНОР	22
НАКАНУНЕ ВОЙНЫ	24
НИКАНОР	27
ШИПКА	28
НИКАНОР	29
МАРЬЯНКА — МАРИЯ — МАШЕНЬКА	33
ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ	36
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	38
ИВАН НИКАНОРОВИЧ	38
АЛЕКСАНДР КУРИЛОВ	40
МАРЬЯНА	43
ИВАН — НИКАНОРОВ СЫН	45
НАКАНУНЕ ВОЙНЫ	48
МАНЬЧЖУРИЯ	50
ЯМАМОТО	57
ИГНАТ СТЕПУРА	58
ЯМАМОТО	59
ИГНАТ СТЕПУРА	60
ПОЕДИНОК	63
ВОЗВРАЩЕНИЕ	66
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	70
ОПЯТЬ РАЗВЕДКА	72
РЕЙД	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Иван Татаренко

Внуки Характерников

ВНУКИ ХАРАКТЕРНИКОВ

роман-хроника

КНИГА ПЕРВАЯ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ	6
ОТЕЦ И СЫН	6
НОВАЯ ЖИЗНЬ	10
КАТОРЖНИКИ	12
БОЙ	16
НИКАНОР	19
НАКАНУНЕ ВОЙНЫ	20
НИКАНОР	23
ШИПКА	23
НИКАНОР	23
МАРЬЯНКА — МАРИЯ — МАШЕНЬКА	27
ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ	30
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	32
ИВАН НИКАНОРОВИЧ	32
АЛЕКСАНДР КУРИЛОВ	33
МАРЬЯНА	36
ИВАН — НИКАНОРОВ СЫН	39
НАКАНУНЕ ВОЙНЫ	42
МАНЬЧЖУРИЯ	43
ЯМАМОТО	50
ИГНАТ СТЕПУРА	51
ЯМАМОТО	52
ИГНАТ СТЕПУРА	53
ПОЕДИНОК	56
ВОЗВРАЩЕНИЕ	60
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	64
ОПЯТЬ РАЗВЕДКА	67
РЕЙД	68
ЯМАМОТО	72
ПОСЛЕДНИЙ БОЙ	72
НЕЖДАННАЯ ВСТРЕЧА	74
РАССКАЗ ИГНАТА СТЕПУРЫ	79
«ЖИВИТЕ, ЕСЛИ СМОЖЕТЕ»	81
МАГНИТКА	84
ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ	86
НАКАНУНЕ ВОЙНЫ	86
ВАСИЛИЙ	86
ПЯТАЯ ЧАСТЬ	92
ВОЙНА	92
СТАРШИЙ БРАТ	93
В ТЫЛУ	95
ВИКТОР	95
КРОВАВЫЙ РЕЙС	100
АННУШКА	106
ИВАН	109
ОТПУСК	111

1943-Й 118
АННУШКА 120
ГЕНКА «ХРАМ» 123
ВИКТОР (ПОСЛЕДНИЙ РЕЙС) 125
ИВАН 130
ПАЛЬТО 132
АННУШКА 134
ШЕСТАЯ ЧАСТЬ **137**
ПОСЛЕ ВОЙНЫ 137
ВИКТОР 137
ЧЕРТИ 139
ТАДЖИКИСТАН 142
ТОБОН 144
АВАРИЯ 149
ЛЕЧЕНИЕ 152
1953-Й 155
ТРАГЕДИЯ 157
НАДЕЖДА (ГОД 1954-й) 157
БОРИС СЕРГЕЕВИЧ 162
ПУТЬ В НОРИЛЬСК 165
ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ **171**
НОРИЛЬСК 171
ШАХТА №13 178
БУДНИ 180
НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА 181
СТРОЙКА 183
МАЙОР САВОСТИН 185
ФИКСА И ХРАМ 189
У ЯМЫ 192
ДЕТИ 194
СОБАКИ 197
ТАЛНАХ 200
ПРОФЕССОР ЦУКЕРМАН 202
ВСТРЕЧА В ТУНДРЕ 207
КОНЕЦ КАРЬЕРЫ 209
ДИНГА 213
МОЙ ДРУГ ВОВКА 215
ОТЪЕЗД 218
В МАГНИТОГОРСКЕ 221
ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ **224**
РОСТОВ-НА-ДОНУ 224
КИТАЕЦ 226
ИЗ ШКОЛЫ — В «ТЕХНАРЬ» 228
В КОЛХОЗЕ 231
НЕУДАВШАЯСЯ МЕСТЬ 234
ДУРЬ 236
ПОЕЗДКА В ПИТЕР 240
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ 243
ОЖИДАНИЕ 246

ДЕВЯТАЯ ЧАСТЬ 248

АРМИЯ 248

МАЙСКИЙ ПРИЗЫВ 248

В УЧЕБКЕ 250

«УЧЕНИЯ» 252

СВЯЗИСТЫ (БАРАБАНЩИКИ) 255

КРАСНОДАР 258

«ГОРЯЧАЯ ТОЧКА» 263

P.S. 265

ОБ АВТОРЕ 265

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

ОТЕЦ И СЫН

Шёл 1850 год. Канула в лету казачья Задунайская Сечь. Часть казаков ушла служить Русскому Царю, другие пали под турецкими ятаганами (саблями). Но были и такие, что выжили среди огня и крови и, никому не покоровившись, вновь поселились в «Диком Поле» (историческая область не разграниченных и слабо заселённых причерноморских и приазовских степей между Днестром на западе и Доном и Хопром на востоке), как когда-то их далёкие предки-волхвы, пришедшие с севера и северо-востока. Долго пытались казаки жить «куренями» (несколько семей), отбиваясь от турок, крымских татар и поляков, но так и не смогли устроить себе мирную жизнь без кровавых стычек с непрошеными «гостями».

В эти давние времена по пыльной степной дороге западных русских земель под лучами ещё тёплого осеннего солнца шёл не то монах, не то нищий — в дырявой накидке до пят с капюшоном на голове. Высокий рост, широкие плечи и крепкая рука, сжимающая деревянный посох, говорили о недюжинной силе путника. Позади, на некотором расстоянии, семенил мальчик лет десяти отроду в холщовой рубахе с вышивкой на воротнике. Не приближаясь к путнику, мальчик иногда негромко, но так, чтобы его слышал идущий впереди, выкрикивал своим звонким детским голосом: «Здесь я, батька, здесь!»

— Смотри, держись дальше. А в случае чего — сигай в канаву, будто и не было тебя, — гулким басом наставлял его старший. — Скоро лес, там и отдохнём, и перекусим чем бог послал.

Ближе к вечеру дорога пошла лесом. Сумерки постепенно переходили в тихую звёздную ночь. Большая яркая луна взошла на небе, озаряя дорогу и всё вокруг. Вот тогда-то и появились из чащи три зловещие тени. Это были давно сбежавшие от своих помещиков крепостные холопы — Петька-«Поп», Васька-«Рваный» и Гришка-«Медведь», уж который год промышлявшие разбоем на дорогах, чем и оправдывали свои прозвища. Так Петька-«Поп», если случалось кого-нибудь убить во время очередного разбоя, тихо, как на похоронах, приговаривал: «Царствие тебе небесное, раб божий», а Васька-«Рваный», наказанный палачом за воровство, всегда имел свирепый вид — изуродованные уши и ноздри превратили его лицо в страшную маску. Был он жаден до чужого добра и жесток с людьми. Главным же в этой шайке считался Гришка-Медведь. Хитрый, осторожный как зверь, обладавший медвежьей силой, Гришка был старше своих поделельников на добрый десяток лет. Заросший огромной чёрной бородой, он будто рычал, а не говорил, сквозь зубы приводя человека в ужас одним своим видом и голосом.

Вслед за бандитской троицей из леса вышли ещё двое разбойников — братья-близнецы Сашка и Антип по прозвищу «Белые», прозванные так из-за своих белых как мел волос. Эти недавно прибились к банде, после того как барин насмерть заporол их отца за недоимки, а мать сошла с ума от горя. Никто не заступился тогда за бедняков. Ожесточились братья сердцем, возненавидев весь белый свет, всех людей — и правых и неправых, а ночью пустили «красного петуха» в барском поместье, порубив топорами всю барскую семью. Самого же хозяина сожгли живьём, привязав к кровати прямо на роскошных перинах, и ушли в лес к Гришке-Медведю.

С тех пор разбойники промышляли впятером. Много невинных душ загубили они, много пролили людской крови.

И вот наконец ночью на лесной дороге судьба свела их с одиноким путником в странной одежде. Не то нищим, не то монахом.

— Кто ты, чудило?! — прорычал Гришка-«Медведь». — Пошто ходишь по нашему лесу в наше время? Смерти ищешь, или есть чем откупиться? Отвечай немедля, а не то порубим на куски зверям на корм.

Из-под серого от пыли капюшона гулко и протяжно прозвучал низкий голос:

— Иду я из земли турецкой в русские земли на вечное поселение. Хочу мира и покоя, ибо устал от жестокости и крови людской. Пропустите меня с миром, и воздастся вам, а не то постигнет вас кара небесная за грехи тяжкие.

— Да ты, дед, очумел, что ли?! Угрожать нам вздумал, раб божий?! — не выдержал Петька-Поп. — Нам ведь грехом больше, грехом меньше — всё едино.

— Братцы, да у него наверняка и золотишко имеется, — прохрипел, раздувая страшные ноздри, Васька-Рваный.

— Золото моё во мне самом. В силе моей и знаниях. Смерти я не боюсь, ибо смерть меня боится. Уходите подобру-поздорову, и будете живы, — загремел голос путника.

— Да нет уж, договорился ты, чудило, на свою голову. Теперь мы тебя точно порубаем, — зарычал Гришка-Медведь. — А ну, ребята, оголите-ка блаженного, посмотрим, что он там прячет под своей хламидой!

Петька с Васькой, обойдя своего атамана с разных сторон, стали медленно приближаться к путнику. Сам же Медведь с близнецами остался стоять на месте, не считая нужным утруждать себя лишней вознёй.

Как только двое разбойников приблизились к незнакомцу, тот медленно положил на землю свой посох, расправил широкие плечи и поднял голову, сразу став выше своих противников. Капюшон, а затем и вся накидка сползли вниз, открыв всю фигуру странника.

Вдруг глаза Гришки-атамана наполнились ужасом, на лбу выступил холодный пот — он понял, кто стоит перед ним.

— Характерник... — прошептал он пересохшими губами.

Характерник — воин-маг, воин-колдун, потомок русских волхвов, пришедших в Восточную Европу из древней Руси и основавших первые казачьи поселения.

Да. Перед ними стоял огромный, могучий как скала запорожский казак-Характерник, чьё обнажённое по пояс тело, сплетённое из мышц, было покрыто множеством шрамов. За широким поясом атласных шаровар пурпурно-красного цвета торчали рукояти двух старинных пистолетов, а за спиной в кожаных ножнах — две кривые казацкие сабли. Седоватый чуб-«оселедец», свисавший с обритой головы, и такие же усы говорили о том, что их хозяин побывал во многих кровавых сражениях.

Демонический взгляд боевого мага заставил разбойников замереть на месте, не сделав больше ни шагу, и тогда два пистолетных выстрела слились в один залп. Размозжённые черепа Петьки-Попа и Васьки-Рваного брызнули ошмётками костей и плоти в лицо Гришки-Медведя. Тот стоял, заворожённо глядя в горящие адским огнём глаза человека-демона. Две кривые казацкие сабли, со свистом пролетев над головой разбойника, пробили насквозь тела стоявших сзади близнецов, навсегда оборвав их молодые жизни. Уже падая, братья обнялись в предсмертной агонии, да так и легли вместе, смешав кровь с дорожной пылью.

На лесной дороге среди трупов остались стоять двое — окаменевший от страха главарь бандитов Гришка-Медведь и неизвестный казак-«Характерник», боевой маг-колдун. Дрожащей рукой Гришка медленно вытащил из-за пояса огромный тесак, но вместо того, чтобы броситься на врага, вдруг приставил нож к своей груди, туда, где билось сердце, и стал медленно вонзать его в себя, не чувствуя боли. «Характерник» стоял напротив, вытянув вперёд правую руку с разжатыми пальцами, глядя Гришке прямо в глаза. Это он вонзал в грудь разбойника нож, не касаясь самого оружия. Воля колдуна была столь велика, что даже сам Медведь, обладавший огромной физической силой, не мог противостоять ей и, пронзив себе сердце, опустился на колени, склонив голову, будто прося прощения за свои злодеяния.

И вновь тишина воцарилась на лесной дороге. Характерник стоял, закрыв глаза, опустив руки, медленно выдыхая воздух из мощной груди, будто остывая от собственного внутреннего огня. Спустя некоторое время он оглянулся назад и зычно прогудел:

— Где ты?

— Здесь я, батька, здесь! — поднялся из придорожной канавы мальчонка. Отряхивая одежду, он медленно подошёл к казаку.

— Не сробел?

— Ни-и-и. А пошто ты их так?

— Это плохие люди. Много горя принесли они народу православному. И нас хотели ограбить и убить. Вот Бог их и покарал.

— Ага, Бог. Видел я, как ты их разделал. Ты же не Бог.

— Я не бог, но через меня Господь послал им наказание. Ладно, посиди пока в сторонке, я сейчас приду.

Казак шагнул к убитым, а мальчик отошёл от места побоища подальше и, усевшись на траву, развязал свою маленькую котомку, висевшую у него на плече.

Казак подобрал пистолеты, сунул их за пояс, затем выдернул из тел братьев-близнецов казацкие сабли, срезал у разбойников кошельки, после чего вернулся к сыну. Тот уже выложил на расстеленный платок пару варёных яиц и картошин, головку лука, краюху ржаного хлеба, шмат солёного сала, достал две деревянные кружки, чтобы набрать воды в журчащем поблизости ручье.

— Вот, сынок, смотри. Это трофеи, — казак бросил на землю рядом с платком пять кошельков, — добыты в бою. И теперь, по нашим казацким законам, принадлежат нам.

Когда солнечные лучи вновь озарили утренним светом верхушки деревьев, по пыльной дороге опять шли двое. Один — взрослый мужчина, не то монах, не то нищий, в чёрной накидке с капюшоном на голове, другой — мальчик лет десяти. Они шли рядом. Старший сжимал в руке деревянный посох, а у мальчишки за спиной болталась потёртая котомка, в которой лежали пять кошельков, набитых золотыми и серебряными монетами.

На выходе из леса казак закопал своё оружие под большим серым камнем возле дороги и сказал, обращаясь к сыну:

— Запомни это место, сынок. Даст бог, и тебе пригодится.

Они пошли дальше, в надежде на новую, лучшую жизнь — жизнь без войн и голода.

Далеко в «Диком Поле» осталась лежать в сырой земле жена казака — красавица Оксана, убитая шальной турецкой пулей. Не уберёг её Иван — так звали казака — успел лишь спасти сына Никанора, смуглого, как он сам, и кареглазого, как мать.

Что ждёт их в новых краях? Как примет их Русская земля?

До отмены крепостного права оставались ещё долгие десять лет, но эти два человека уже были свободны, как были всегда свободны их предки — казаки Запорожской Сечи.

НОВАЯ ЖИЗНЬ

Фамилия Татаренко досталась им от предков — запорожских казаков, совершавших набеги на потомков Золотой Орды, крымских татар, ещё в пятнадцатом веке. Как татары похищали русских женщин себе в гарем, так и казаки нередко с боем добывали жён — молодых красивых татарок, дабы не остаться в бобылях и продолжить свой род. Видно, поэтому кожа Ивана была чуть смуглой. Покатые, но широкие плечи переходили в мощный торс, а крепкие ноги так держали в седле и на земле, что казалось — нет на свете силы, способной хотя бы пошатнуть его. Сын Никанор перенял от отца и цвет кожи, и мужскую статью, но мать — русская красавица Оксана — вложила в сердце мальчика доброту. Слишком близко к сердцу принимал он несчастья других, слишком по-взрослому смотрел на окружающий мир своими чёрно-кариими, как у неё, глазами.

Прошло десять лет с того дня, как пятидесятилетний казак-Характерник Иван Татаренко со своим десятилетним сыном Никанором пересекли границу Российской Империи. Много лет скитались они по огромной стране в поисках лучшей доли, но нигде не нашли достойного пристанища. Повсюду, как и раньше, царили несправедливость и равнодушие. Помещики издевались над своими крепостными, те в свою очередь ненавидели помещиков. Так продолжалось вплоть до 1861 года — года отмены крепостного права. Разбойничьи деньги, доставшиеся Характернику в виде трофеев, заканчивались, но выручали знания по врачеванию людей. Любые раны и язвы затягивались без следа и быстрее обычного, стоило «Казаку», как прозвали Ивана в народе, немного подержать над больным местом свои большие руки ладонями вниз. Он забирал болезнь в себя, сжигая её своим невидимым внутренним огнём, а ночью выходил под звёздное небо и, закрыв глаза, поднимая руки ладонями вверх, тихо «читал» одному ему известную молитву. Никанор помогал отцу — собирал нужные для лечения травы. Сам подрабатывал пастухом, пробуя лечить домашний скот, а также кошек и собак, что ему удавалось с большим успехом. Исцелённые им животные повсюду бродили за ним, удивляя этим других людей. Злые завистливые языки приписывали казаку и его сыну колдовские чары, поэтому подолгу на одном месте Татаренко не задерживались, а шли всё дальше и дальше на восток, пока судьба не привела их в далёкий приуральский посёлок Николаевской губернии, в восточной части области Оренбургского казачества. Здесь многие получившие свободу крепостные крестьяне пошли на рудники и заводы, а те, кому посчастливилось взять в аренду клочок земли, трудились на нём день и ночь «до седьмого пота», пытаясь выбиться из нищеты. Купив на окраине посёлка небольшой деревянный сруб, Татаренко решили, что пора им остановиться и начать осёдлую жизнь. Завели небольшое хозяйство, взяв в аренду надел земли.

К этому времени Никанор уже вырос, превратившись в высокого, не по возрасту крепкого юношу. Такие же, как у отца, широкие покатые плечи, мощный торс и крепкие ноги говорили о недюжинной силе парня. Коротко, по-казачьи подстриженные чёрные волосы не скрывали мужской красоты его лица, а мягкий свет в глазах в минуты волнения превращался в какой-то мистический огонь. Только отец знал силу этого огня, способного повелевать другими людьми.

Крестьянская жизнь у Татаренко не задалась. Два подряд неурожайных года вконец разорили хозяйство. Пришлось идти в батраки к хозяину земли — бывшему помещику, а теперь ещё и промышленнику — Курилову. Тот взял их не задумываясь в личную охрану. Иван многому успел научить сына. Не было равных Никанору в рукопашном бою. Один против пятерых выходил он в праздники на ярмарках. Биты были все пятеро. Никанор же оставался стоять на своих ногах, весело приглашая сразиться любого желающего. Чёрно-карие глаза его светились лихим радостным, но добрым огнём.

Хозяин не обижал казаков. Исправно платил им за службу. Со временем стал доверять как самому себе, поручал самые ответственные задания по охране имущества и семьи. Семья

же Куриловых состояла из пяти человек: двух дочерей — Софьи и Ольги, восьми и десяти лет отроду соответственно, шестилетнего сына Александра и жены — Натальи Николаевны, слегка полноватой для своих тридцати двух лет, но из той породы женщин, что остаются красавицами всю жизнь, несмотря на возраст. Дочки росли на радость родителям милыми, кроткими барышнями. Знали по-французски, обучались латинскому и английскому языкам, со всеми здоровались, интересовались делами и здоровьем других людей независимо от их положения в обществе — будь то чиновник, дворянин или простой крестьянин. Дочки любили наблюдать за казаками, обсуждая их грозный вид, тихонько хихикая в кулачки, постреливали глазками в Никанора. Лет через семь-восемь, став взрослыми девушками, им предстояло выйти замуж за того, кого укажет батюшка. Затем их ждала счастливая семейная жизнь, балы, поездки за границу и воспитание собственных детей.

Маленький Александр должен был вырасти в brave офицера, как мечтал Курилов-старший. Но пока мальчишка бегал как привязанный за мамашей. Та не отпускала его от себя ни на шаг, не доверяя гувернантке — тощей как жердь француженке «бальзаковского возраста». Так как сама Наталья Николаевна была дворянских кровей, то и будущее Александра виделось вполне отчётливо: один из полков Его Величества с последующей карьерой при дворе в Санкт-Петербурге.

Следует отметить, что сам Алексей Митрофанович Курилов в свои сорок с лишним лет выглядел довольно моложаво. Он любил охоту и просто конные прогулки, приучал к ним своих домочадцев, подбадривая их своими грубоватыми шуточками:

— Давайте-давайте, растрясите жирок, пока он вас не растряс.

Все дружно шли за ним на прогулки, устраивали приёмы, пикники, летом играли в мяч, зимой катались на коньках и на санках. В найме у Курилова были также дворник, конюх, повариха и молоденькая девушка-служанка. Командовал всеми приказчик Степан, мужик обстоятельный, сорока пяти лет, но отец и сын Татаренко имели особый статус, подчинялись только Курилову лично и могли выгнать со двора любого, кого посчитали бы лишним в данный момент.

На полученные от хозяина деньги они прикупили новую одежду: шаровары с широкими поясами, яловые сапоги, рубахи с вышивкой, кожаные жилетки и два добротных зипуна, отороченные по швам беличьим мехом, на голову — папахи из чёрной овчины с красным верхом. Но главным приобретением были аж три казацкие сабли и две пики с красными флажками на конце, а также пистолеты — по два на брата. К тому же каждый выбрал себе коня из хозяйской конюшни: Никанору достался белый красавец жеребец-двухлетка, Иван выбрал спокойного, гнедой масти.

Казаки несли службу поочерёдно, через двое суток: пока один отдыхал или занимался домашним хозяйством, другой охранял барскую усадьбу с небольшими перерывами на сон и еду. Иногда, в случае крайней необходимости, свободный от караула казак сопровождал членов семьи Куриловых на прогулках или в поездках. Поседевший, но почти не изменившийся внешне, Иван так больше и не женился, сохранив в своём сердце верность погибшей жене.

КАТОРЖНИКИ

Шёл июнь 1866 года. На строительстве колёсной гужевой дороги вдоль восточного берега сибирского озера Байкал вспыхнуло восстание ссыльных поляков, отбывавших там каторгу за свои вооружённые выступления против России в 1863–64 годах. Основная масса беглых каторжан двинулась к Иркутску, чтобы перейти границу с Монголией и Китаем и затем, добравшись до моря, уплыть на родину через третьи страны. Но небольшая часть восставших, числом примерно в пятьдесят человек, направилась в противоположную сторону — к Уралу, надеясь, что к ним присоединятся другие ссыльные, а также обнищавшие крестьяне и всякие лихие люди, которым нечего терять. На подавление мятежа из Иркутска были направлены воинские отряды из регулярных частей. Вскоре мятеж подавили, некоторых зачинщиков расстреляли. Ушедшие же в сторону Урала поляки не нашли поддержки среди русского населения и разбрелись кто куда, превратившись в разбойничьи шайки, промышлявшие грабежами на дорогах. Одна из таких шаек уже осенью добралась и до мест, где несли свою службу отец и сын Татаренко.

В это же время надумал сам Курилов съездить по делам в губернский центр — станицу Николаевскую. С собой в охрану взял младшего из казаков — Никанора. Седой Характерник-отец напутствовал сына:

— Смотри в оба, Никанор. Держи ухо востро. Ты на службе. За две жизни в ответе — за его и за свою. В округе нынче неспокойно. Урядник говорил: поляки-каторжане где-то по лесу бродят. Им всё равно кого грабить. Могут и убить ни за что.

— Не бойтесь, батя. Всё хорошо будет. Зря, что ли, вы меня столько лет натаскивали.

— То одно было. А как встретишь настоящего врага — не журишь, знай: не ты его, так он тебя. Не бойся чужой крови, а свою — береги. Хозяина охраняй. Сейчас он наш кормилец, да и человек хороший — простых людей не обижает, а нас с тобою уважает.

— Да понял я, батя, не волнуйтесь. Тут делов-то на два дня. Завтра же и вернёмся.

— Ну дай-то бог, трогай!

С этими словами старый казак обнял сына. Тот лихо, одним махом, вскочил на своего белого красавца-коня, поднял его на дыбы и пустил в галоп к усадьбе, где уже запрягали одно-местную коляску для Курилова. Старый казак некоторое время стоял, глядя вслед, потом перекрестил перед собой воздух и тихо промолвил:

— Ну вот, сынок, ты и оторвался от меня. Теперь ты сам себе хозяин, сам себе голова. Всему научил я тебя. Не научил только убивать живых людей. Сможешь ли, если доведётся встретить смерть лицом к лицу. Да поможет тебе Бог.

Произнеся такие слова, Иван поправил за поясом пистолеты, широкий кожаный ремень, перекинутый через плечо к ножнам с двумя казацкими саблями, и зашагал к дому Куриловых, чтобы заступить на его охрану.

Из пятидесяти беглых каторжников, ушедших от Байкала в сторону Уральских гор, лишь двенадцать дошли до места, где находилась усадьба Куриловых. Остальные разбрелись кто куда, спасаясь от преследования вооружённых правительственных отрядов. Рваная в клочья одежда грязными лохмотьями свисала с тел беглецов. Почти обезумевшие от голода и холода, они готовы были на всё, чтобы выжить. Давно закончился порох, поэтому стали бесполезными ружья, отобранные когда-то у солдат-охранников. Только ножи да сабли да распрямлённые кузнецом крестьянские косы, насаженные на деревянные черенки, оставались их оружием. Местное население отказывало в помощи беглым полякам, считая их преступниками и врагами русского народа. Слишком много горя принесла в прошлом Речь Посполитая Российскому государству. Слишком много сил понадобилось нашим предкам, чтобы ещё в 1612 году, объединившись под руководством купца Минина и князя Пожарского, спасти от польских захватчиков Москву, Нижний Новгород, да и всю Русскую землю.

Усадьба Куриловых была расположена на пригорке недалеко от окраины леса. Именно сюда вышли беглые каторжники-поляки, как стая голодных волков. Спрятавшись за деревьями, они видели, как от ворот усадьбы отъехала одноместная коляска, запряжённая чёрным рысаком. Коляску сопровождал казак на белом коне с пикой в руках. На конце пики, возле самого острия, развевался небольшой красный флажок.

— Ну что, братья? Вот наш последний шанс. Здесь вам и еда, и всё остальное, хе-хе, — радостно ухмыльнулся, оскалив гнилые от цинги зубы, главарь шайки, тридцатилетний Владислав Катковский, осуждённый на вечную каторгу как бывший «жандарм-вешатель». — Дождёмся ночи и возьмём их тёпленькими.

— Давай сейчас. Мочи нет, как жрать охота, — раздался недовольный голос одного из «братьев».

— Нет, нельзя сейчас. Лишний шум нам не нужен. Потерпите ещё немного. Злее будете, хе-хе.

— Да куда уж злее? Я готов любого зубами порвать, а тем более русских собак, «пся крев», — зло прошипел двадцатипятилетний варшавянин Яков Шульский.

— Я сказал: ночью. По нашему следу солдат пустили. Так что сделаем дело и уходим. Задерживаться не будем.

На том и порешили. Залегли в засаде, продолжая наблюдать за оставшимися в усадьбе людьми. Те, ничего не подозревая, продолжали заниматься своими делами. Дети с Натальей Николаевной что-то читали вслух в беседке на лужайке. Конюх, дворник и управляющий стояли возле конюшни, что-то бурно обсуждая. Только Иван находился снаружи на посту.

Обойдя усадьбу по периметру вдоль высокой железной ограды, он присел на лавку возле массивных дубовых ворот и достал свою старинную курительную трубку, перешедшую ему по наследству от отца, который в свою очередь получил её от деда.

Среди беглых каторжников был один старый поляк — Януш Бруцкий. Лет ему было далеко за шестьдесят. Много дорог прошёл он и по украинской, и по русской земле, во многих кровавых стычках участвовал, в том числе и в восстании 1830–1831 годов против русского царя. Не раз пришлось ему встретиться с казаками в бою. Знал, на что те способны, особенно «запорожцы». Много шрамов оставили они на его теле.

Сейчас Бруцкий сидел на земле за деревом, вглядываясь в силуэты людей за оградой усадьбы. Вдруг он привстал, подавшись вперёд, прищурил в напряжении глаза и затем резко упал на землю:

— Характерник... — прошептал он сам себе. — Откуда? Здесь, на Урале? Не может быть. Матка Боска, спаси и сохрани. Эй, Владислав, иди скорей сюда, — позвал он вожака, махнув тому рукой.

— Чего шумишь, старый чёрт?

— Нельзя нам на них нападать. Там казак-Характерник. Я его знаю. Видел в «Диком Поле». Он колдун, демон! Не будет нам здесь удачи.

После недолгого молчания вожак удивлённо протянул:

— Брось. Когда это было. Ты рассказывал, что лет сорок прошло. Да и откуда ему здесь взяться?

— Не знаю. Но помню его хорошо. На всю жизнь запомнил. Иваном его зовут. Он воин-маг.

— Так ведь старый маг. Старый. Ему, почитай, лет семьдесят теперь.

— Они по сто лет живут. С чёртом дружат. Их пуля не берёт, не то что меч или копье. Надо дальше идти. В другое место.

— Некуда нам идти. Ты что, хочешь, чтоб нас эти сожрали? — кивнул вожак в сторону голодных каторжников. — Не бойсь. Мы твоего мага сообщца завалим. Не может старик один одолеть двенадцать воинов.

— Может. Я знаю. И с вами не пойду. Лучше с голоду сдохну.

— Пойдёшь. А не то мы тебя сами кокнем. Предательство хуже смерти, — и вожак угрюмо чуть оголил в ножнах лезвие своей сабли. Затем переполз от старого Януша к одному из своих людей:

— Присмотри за стариком, как бы не утёк со страху.

Тот молча зло кивнул в ответ.

Иван сидел на небольшой скамейке перед воротами усадьбы под раскидистым столетним дубом. Раскурив трубку, он закрыл глаза. Тело застыло. Казалось, он уснул, держа трубку в одной руке, положив другую на ножны своей сабли. Бело-сизый дым окутывал всю фигуру казака. Характерник погрузился в состояние, похожее на сон. Но это не было сном. Его взор поднялся над землёй на высоту птичьего полёта и медленно поплыл — сначала вдоль железной ограды, затем в сторону леса... И вдруг он заметил силуэты людей, притаившихся за стволами деревьев. Двенадцать человек в рваной грязной одежде, с саблями и косами в руках, лежали, прячась в густой траве, ожидая удобного момента, чтобы напасть на усадьбу.

Сознание Ивана вновь вернулось в реальность. Медленно положив дымящую трубку на лавку рядом с собой, он так же медленно поднялся, заступил за ствол дуба и стал потихоньку отходить спиной к воротам усадьбы. Там, где он только что сидел, по-прежнему висело облако густого табачного дыма. Сам же казак уже вошёл в ворота и, быстро дойдя до конюшни, прогудел в ухо приказчику:

— Быстро уводи всех в дом. Будет нападение.

— К-к-какое нападение? — в ужасе вытаращил на него глаза Завьялов.

— Не бойсь, отобьёмся. Ты только мне чуток помоги. Уведи всех по-тихому в дом. Только без паники, как будто ужинать пошли. И помоги салютные пушки поближе к воротам подкатить.

Возле дома Куриловых, по обе стороны крыльца, стояли две маленькие чугунные пушечки, привезённые десять лет назад ныне покойным отцом хозяина усадьбы, генералом Куриловым, с Крымской войны 1856 года. Их использовали для салютов по большим праздникам и в честь прибытия особо важных гостей. Казак принёс бочонок пороха, несколько коробок крупной дроби и большой моток толстой верёвки. Когда приказчик вернулся, они с Иваном подкатали пушечки поближе к воротам, но так, чтобы их не было видно снаружи.

— Семейство хорошо спрятал? — строго спросил Иван.

— Да. Закрыл на втором этаже. Там с ними гувернантка и конюх. Если что — у него вилы. Дворника я за помощью послал. Он шустрый, везде пролезет.

— Молодец. Привязывай верёвку к ручкам ворот, так, чтобы я их отсюда мог открыть. Да уходи тоже наверх. На вот, возьми пистолеты.

— А ты как же?

— А я встречу гостей. Давно их жду. Знал, что придут. Сердце вещало. Давай иди, дальше моё дело. Дворник твой всё равно не поспеет. Придётся мне самому их попотчевать.

Степан убежал, а казак зарядил пушки и, глядя на них, произнёс:

— На один выстрел хватит, а больше нам и не надо.

Вечерело. Поляки, скрипя зубами, ждали команды своего предводителя к нападению. Наконец тот приподнялся, вглядываясь в силуэт сидящего у ворот усадьбы в клубах табачного дыма казака.

— Почитай уж два часа так сидит не шелохнувшись. Спит он, что ли? — посмотрел Владислав на старого Януша.

— Они не спят на посту. Это он чары свои колдовские наводит. Наверняка уже в другом месте засел. Ты на него смотришь, думаешь — вот он, а его-то уже здесь и нет, — зашептал старый поляк.

— Да брось ты страшать. Это тебе от голода всякая дурь мерещится.

— Точно тебе говорю. А главное — в глаза ему не смотри. Заколдует — сам себя зарежешь.

— Ладно, дед, не скули. Бог не выдаст — свинья не съест, а у нас другого пути нет, как только через эту чёртову усадьбу.

БОЙ

Вечер ещё не наступил, а голодные, злые бандиты уже начали подкрадываться к воротам Куриловской усадьбы. Но сначала надо было избавиться от казака, до сих пор сидевшего на своём посту в клубах табачного дыма. Владислав, старый Януш и ещё двое с ножами в руках медленно подкрадывались с двух сторон. Но чем ближе подползали поляки, тем сильнее расплывался перед их глазами образ Характерника. Когда же оставалось лишь броситься на него с расстояния двух-трёх метров, он вдруг растворился в воздухе как мираж. Только старая казацкая трубка лежала на лавке, продолжая дымить каким-то белым колдовским дымом.

— Где ж он? Куда он подевался? — изумлённо тарасился на пустую лавку Владислав. — Растаял, чёрт...

— Я ж тебе говорил — колдун, а ты не верил, — зашептал Януш, крестясь по-католически двумя пальцами слева направо. — Уходить надо. Пропадём мы тут.

Владислав молчал. Он хоть и был не робкого десятка, а всё ж опешил от такого фокуса. Затем, оглянувшись на остальных, махнул рукой:

— Давайте к воротам. Да не все сразу. Вчетвером сходите. Попробуйте их открыть, а мы подскочим.

Четверо бандитов осторожно подошли к воротам усадьбы. Тяжёлые дубовые створки оказались чуть приоткрытыми. Оставалось лишь толкнуть их, чтобы войти внутрь. Вдруг ворота сами бесшумно открылись, и взору разбойников предстал казак с факелом в руке, стоящий между двумя маленькими пушечками.

— Ласково просимо, гости дорогие! Заждались вас, ожидаючи! А цэ салют в вашу честь! — громким торжественным голосом произнёс он, поднося факел к одной из пушек.

Поляки стояли в полной растерянности, не зная, что им делать — радоваться такому приёму или бежать обратно в лес. В этот самый момент прогремел первый залп, превративший их тела в кровавое решето. А к воротам уже подбегали другие. Их тоже встретил смертельный залп, но уже из второй пушки, унеся ещё три разбойничьи жизни.

— Стойте! — с опозданием закричал Владислав остальным. — Ложись!

Оставшиеся в живых бандиты расползлись кто куда, упав на землю.

— Откуда пушки? Ведь не было ничего? — вожак удивлённо смотрел на старого Януша.

— Откуда-откуда, — передразнил его тот. — Видно, хорошо спрятал. Я ж тебе говорил — колдун.

— Подожди-ка, — вожак прислушался, — кажись, отстрелялся твой фокусник. Слышишь, молчит. Заряды кончились. А нас ещё пятеро. Неужто с одним не сладим?

— Да я видал, как он десятерых в куски порубил. Бежать надо, пока он сам на нас не напал.

— Некуда нам бежать. Всё одно — везде конец. А ну-ка, братья, пошли вперёд! Навалимся разом, да и делу конец!

Владислав поднялся во весь рост и бросился в проём ворот. За ним, вопя во всё горло, ринулись остальные. Навстречу им, обнажив сразу две сабли, шёл Характерник. В его глазах горел огонь смерти. Было непонятно, кто на кого нападает. Окружив казака, поляки топтались в нерешительности.

— Не смотрите ему в глаза! Не подходите близко! Косами его, косами! — кричал старый Януш, заходя со спины.

Наконец один из разбойников всё же бросился вперёд. Свистнула казацкая сабля, и две половины разрубленного пополам тела упали на землю к ногам казака. Уже не пятеро, а четверо врагов окружали его. Вдруг он начал медленно, а затем всё быстрее и быстрее вращаться

волчком, присев, раскинув в стороны руки с саблями, как в казачьем танце. Но это был не просто танец. Это был боевой танец Характерника.

Вот он шагнул вперёд, и две головы покатались по земле с широко открытыми глазами. Только двое из двенадцати каторжан ещё оставались в живых. Это были Владислав и Януш. Они и рады бы были убежать куда глаза глядят, провалиться сквозь землю, только бы не видеть этого «дьявола», танцующего свой танец смерти, но было поздно. Какая-то неведомая сила держала их мёртвой хваткой, лишая способности противостоять чужой воле — воле Характерника. Он медленно шёл на них, опустил сабли. Наконец остановился и произнёс глухим низким голосом:

— На колени.

Владислав и Януш, уронив сабли, опустились на колени перед казаком, заворожённо глядя ему в глаза.

— Ты! — Иван указал саблей на главаря каторжников. — Слишком много загубил ты невинных душ. Слишком много горя принёс ты люду православному. Нет тебе прощения. Не видать тебе Царства Небесного. И ответ не будешь.

Сказав это, Иван бросил к ногам бывшего польского «жандармского вешателя» одну из своих сабель и вытянул вперёд правую руку с растопыренными пальцами. В глазах его замесался колдовской огонь. Повинуясь чарам Характерника, Владислав медленно поднял саблю, приставил её к своей груди и вонзил прямо в сердце, проткнув себя насквозь. Он рухнул лицом вниз, прямо в грязь, умерев не как воин, а как грешник-самоубийца. Януш, стоя на коленях, быстро крестился, шепча молитвы.

— Помнишь меня? — спросил вдруг Характерник.

— Помню, Иван.

— Что же ты пришёл сюда, смерти ищешь?

— Бес попутал. Не хотел я. Заставили.

— Тебя отпущу по старой памяти. Стар ты, как и я. Видно, был это наш с тобою последний бой. Иди с богом. Да проси у людей прощения и помощи. Смиренно проси. А своим расскажи, что ждёт их на земле русской.

Сказав это, Иван повернулся к Янушу спиной и медленно пошёл к дому, из дверей которого уже выглядывал приказчик. И в этот момент старый поляк, всю жизнь ненавидевший казаков и всех русских, вдруг поднял с земли лежавшую косу-копье и, целясь в спину казаку, замахнулся для броска... Но раньше косы в воздухе просвистело копье с красным флажком, пронзив насквозь костлявое тело подлого грешника. Иван замер на месте, медленно обернулся и увидел сына. Никанор на своём белом красавце-коне въезжал во двор усадьбы.

— Шо ж ты, батька, спиной к врагу повертаешься? Не ты ли учил меня бить его без пощады до последнего?

Никанор слез с коня, подошёл к отцу.

— Любо, сынку! Любо! А я, видно, старый стал. Пора на покой.

— Ну уж и на покой? Глянь, сколько гадов нарубал. Дюжину, не меньше!

— Слава богу, не чёртову, — ухмыльнулся старый казак, обняв сына свободной рукой.

— А надо будет, батя, и чёртову побьём.

— Любо, сынку, любо.

И они крепко обнялись, как обнимаются самые родные и счастливые люди.

НИКАНОР

Как только Курилов и Никанор выехали за пределы усадьбы, они тут же пустили коней во весь опор и вскоре уже были в станице Николаевской, являвшейся в то время центром культурных и экономических связей Восточной области Оренбургского казачества. Здесь часто собирался весь цвет общества близлежащих станиц, а также столичные гости из самого Санкт-Петербурга. Помещики-аристократы, промышленники, купцы и прочие деловые люди съезжались сюда, чтобы завести новые деловые знакомства, заключить договора на поставку той или иной продукции, наконец, чтобы просто хорошо провести время в кругу подобных себе состоятельных людей за игрой в карты с бокалом шампанского. Курилов довольно быстро управился с делами и ближе к обеду встретился со своим старым другом юности — Арефьевым Сергеем Даниловичем, с которым когда-то вместе воевали против турок и англичан, обороняя Севастополь. Друзья пошли отмечать встречу в ресторан. Вскоре к ним присоединились ещё несколько человек — отставные офицеры, знакомые купцы и местные, падкие на дармовщину гуляки. До вечера было ещё далеко, когда изрядно выпивший, но весёлый Алексей Митрофанович в обнимку со своим другом вышли на крыльцо ресторана, и Курилов радостно приказал Никанору, дежурившему всё это время у входа:

— Никаноружка, дорогой, не волнуйся! Я встретил своего боевого товарища — Серёжу Арефьева! Когда-то он спас меня от турецкой пули, срезав янычара своим метким выстрелом. Мы будем гулять до утра, а ты езжай обратно в усадьбу, проверь, как там дела, успокой жену мою Наталью Николавну, скажи — буду завтра к вечеру. Сам приезжай к обеду, заберёшь меня, в каком бы состоянии я ни был, а то я тут надо-о-олго загуляю, — и, повернувшись к своему другу, виновато произнёс: — Извини, Серёжа, дела. Дружба дружбой, а служба — службой. О-о-о, красиво сказал. А главное — к месту. Пойдём, брат, выпьем! И за дружбу, и за службу, и за всё, за всё хорошее!

Друзья, обнявшись, вернулись в ресторан, где их громким «ура!» встретила толпа собутыльников. Никанор, предупредив хозяина ресторана о личной ответственности за сохранность брички и лошади Курилова, отправился в обратный путь, намереваясь добраться домой засветло. Он лихо проскакал через всю станицу, пустив своего белого как лебедь коня рысью. Сам же, чуть наклонившись, одной рукой держал поводья, другой сжимал древко копья с красным флагом на конце возле острого наконечника. Непонятное чувство тревоги, поселившееся в груди Никанора с самого момента отъезда из усадьбы, теперь заставляло его гнать во весь опор. Вскоре, после получаса бешеной скачки, он наконец увидел знакомые очертания усадьбы, до которой оставалось не более версты. И вдруг громкий залп салютной пушки потряс воздух. От неожиданности Никанор осадил коня, вслушиваясь в наступившую тишину. Сначала до слуха казака донеслись отчаянные крики людей, затем раздался второй залп, после которого всё смолкло.

— Бог мой, что это?! Отец! — Никанор пустил коня «в карьер» и уже через пару минут был возле открытых ворот усадьбы.

Вокруг, на залитой кровью земле, лежали изуродованные тела людей в лохмотьях. У некоторых из них в руках были зажаты сабли или самодельные копья, изготовленные из распрямлённых кос. Отец Никанора — Иван — медленно шёл к усадьбе, держа в левой руке одну из своих казачьих сабель. Свободную правую руку он отвёл чуть в сторону, то сжимая пальцы в кулак, то с силой разжимая их вновь. А сзади, в спину ему, уже был готов метнуть своё страшное оружие — косу-копье — костлявый старик, стоявший на коленях среди трупов. Но не суждено было свершиться злу. Казачье копье с красным флагом пробило насквозь тело поляка раньше, чем тот успел сделать бросок. Старый Януш — а это был он — упал набок, прохрипев в предсмертном оскале:

— Характерник!

Иван обернулся на хрип. В проёме ворот усадьбы он увидел сына верхом на белом коне.

— Шо ж ты, батька, спиной к врагу повертаешься? Не ты ли учил меня бить их без пощады до последнего?

НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

Шёл 1870 год. К этому времени казаки Татаренко на полученные от Курилова за спасение его семьи деньги построили новый дом. Не каменный, деревянный, но очень просторный, из трёх комнат с высокими потолками, большими светлыми окнами, надёжной печкой, способной хорошо обогреть весь дом в любые, даже самые лютые уральские морозы. Получили они также денежное вознаграждение от властей за уничтожение беглых каторжников. Курилов отписал им в вечное пользование участок земли, бывший у них в аренде, а также землю, на которой стоял дом. Наконец, по ходатайству того же Курилова, отец и сын Татаренко были официально занесены в списки Оренбургского казачества с выдачей новых паспортов и зачислением Ивана в запас, а Никанора — в казачью сотню, со всеми вытекающими отсюда правами и обязанностями. Всё это позволило Никанору жениться на давно приглянувшейся ему девятнадцатилетней красавице Алёне из соседней станицы. Отец одобрил выбор сына, лишь только взглянул на невестку — простую, скромную белокурую девушку с мягкими чертами лица. Умудрённый жизненным опытом старый казак сразу разглядел в ней будущую хозяйку-жену и заботливую мать, хранительницу семейного очага.

Родители Алёны умерли от тифа во время очередной эпидемии 1863–1864 годов, прокатившейся по Иркутской губернии, где в это время проживала её семья. Маленькую трёхлетнюю девочку забрал на воспитание родной дядя. Окружённая заботой и лаской приёмных родителей, Алёнка росла трудолюбивой и послушной девочкой в большой многодетной семье и к восемнадцати годам превратилась в завидную красавицу-невесту, за которой пытались ухаживать многие достойные женихи. Но в сердце у неё был лишь один. Четыре года назад она впервые увидела его, когда он, как вихрь, промчался через всю станицу верхом на белом коне с казачьей пикой в руках. Только маленький красный флажок на конце копыя мелькнул как молния и скрылся в облаке пыли. С тех пор она не раз видела своего, как она считала, суженого среди других казаков, всё больше и больше влюбляясь и мечтая о встрече. Это был Никанор, до поры до времени не замечавший девочку-подростка. Но однажды, на ярмарке на масленицу, судьба всё же свела их друг с другом раз и навсегда. Это случилось год назад, когда Никанор, в очередной раз победив в кулачном бою, в награду за свою победу имел право поцеловать любую красавицу из присутствующих на празднике. В этот момент их взгляды встретились... и словно молния обожгла сердце казака. Только её — Алёну — видел он теперь среди толпы. Подойдя к девушке, Никанор остановился и, заметив, как смутилась она, сам приобнял и нежно поцеловал её. Алёна закрыла лицо руками, пряча разлившийся по щекам румянец, но не убежала.

Кто-то весело крикнул:

— Ну всё, казак, теперь женись, пока не убежала!

Нежно взяв её руки в свои, Никанор спросил:

— Как звать тебя, красавица?

— Алёна, — тихо ответила она.

— Пойдёшь за меня?

И тут, вконец смутившись, девушка вырвалась и бросилась бежать, не ответив на последний вопрос.

— Пойдёт, пойдёт! Куды она денется! За такого орла да не пойти! Я бы и сам пошёл, да рылом не вышел! К тому же мужиком родился! — кричал изрядно подвыпивший весёлый старикашка. — Засылай сватов, казак, а то я зашлю! Ежели, конечно, моя старуха позволит!

В этот момент из-за спин смеющихся появилась его «вторая половина» — мощная бабулька с веником в руках:

— Ах ты ж, старый хрыч, какая я тебе старуха?! Я ж на целых семь годков тебя моложе! — закричала она визгливым голосом, охаживая шутника веником. — Вот погоди, придёшь вечером домой, я тебе задам жару.

Народ покатывался со смеху, глядя, как бабка лупит деда, выбивая из его тулупа пыль со снегом вперемишку. А Никанор всё стоял и смотрел вслед убежавшей девушке. Кто-то дружелюбно похлопал его по спине — это был приказчик Курилова Завьялов:

— А что, Никанор Иванович, и вправду хороша девка, хоть и из сирот. Да и тебе давно пора семьёй обзавестись. Завтра же поговорю с твоим батькой, да и зашлём сватов. Хошь я пойду, а нет — так сам Курилов Алексей Митрофанович. Чего молчишь, любя она тебе аль нет?

— Люба, Степан, любя. Моя будет. Завтра же сватов зашлю. А осенью свадьбу сыграем.

Казак сказал — казак сделал. Сосватали Алёнку, и осенью, после «уборочной», сыграли весёлую свадьбу. А ровно через год родился у них сын. Назвали его Иваном, в честь деда. Старый Характерник не чаял души во внуке. Пока Никанор нёс службу, дед следил за порядком в доме. Когда Ванятке исполнилось три годика, старый казак сделал ему маленькую деревянную саблю и такое же ружьё.

— Да шо ж вы, батя, так торопитесь, — возмущалась Алёна. — Дайте ему подрасти. А то от горшка два вершка, а туда же — в казаки.

— Цыть, женщина! — хмуро отвечал дед. — Я из него сделаю настоящего воина. Воина-мага.

— Да зачем ему это? Вон, земля есть, скотину завели. Крестьянствуй себе на здоровье.

— Заводите чего хотите. А как придёт враг да заберёт у вас всё? Что будешь делать? То-то и оно. Вы, молодые, ещё не знаете, почём фунт лиха. А на моей памяти такое уж было, и не раз. Я, милая моя, хорошо помню и турок, и поляков, и французов. Да и прусаков с англичанами видывал. Да что там говорить, почитай все мусульмане и католики против нас, православных, ходили. Веру нашу изничтожить хотели. Жаль, не каждый это понимает.

Иван хмурился, отходил в сторону, сутулясь под тяжестью прожитых лет и воспоминаний.

Ещё из рассказов своих деда и отца знал он о жестокости иноземных угнетателей по отношению к славянским народам. Пять веков постоянных войн, рабства, резни, доходившей до геноцида. Сам помнил предательство турецкого султана, подло напавшего на казачью Задунайскую Сечь, где родился Иван. Да и годы скитаний не прошли даром. «Хочешь мира — готовься к войне» — таков был девиз Характерника на протяжении всей его жизни. Видел он и тревожное будущее, но никому не рассказывал о своих видениях, а только хмурился и дымил старой казачьей трубкой.

В 1874 году русский царь Александр II, прозванный в народе «Освободителем и Реформатором», отменил рекрутство в армии. Это была вторая по значимости реформа после отмены им же в 1861 году крепостного права, сильно укрепившая Россию как империю. Вместо «пожизненных» двадцати пяти лет, теперь в солдаты призывались все мужчины, достигшие двадцати одного года и до сорока лет включительно, на шесть лет в пехоту и на семь во флот, плюс соответственно девять и три в запасе после основного срока службы. Это дало возможность России подготовиться к очередной войне с Турцией, начатой в 1877 году во имя спасения славянских народов — Болгарии, Сербии, Боснии и Герцеговины — от турецкого ига.

Весной 1876 года тридцать тысяч болгар были вырезаны турками как месть за очередное восстание «неверных» против Османской империи. Не пощадили даже женщин и детей. Особенно свирепствовали «баши-бузуки» — турецкие фанатики-головорезы, ненавидевшие всех славян и христиан. В начале 1877 года Сербия и Черногория, объединившись, объявили Турции войну, но были разбиты стотысячной армией янычар, и теперь им грозило полное уничтожение. Только Россия могла спасти своих братьев-единоверцев, взяв реванш за проигранную,

как все считали, Крымско-турецкую кампанию 1853–1856 годов. И Россия пошла на это, объявив Турции войну.

НИКАНОР

К этому времени Никанору уже исполнилось тридцать семь лет, но по возрасту он ещё подходил для службы в армии. Оренбургское Восточное казачество отправляло своих казаков царю-батюшке для участия в военном походе против Турции. Старого Ивана Татаренко не взяли по причине сильно пожилого возраста, как он ни просился. Не стали призывать и Никанора — единственного сына и кормильца в семье. Таковы были неписанные законы у всех казаков России. Но старый Характерник сказал сыну:

— Иди, сынок. Отомсти за мать. Я не смог сделать этого двадцать три года назад, в Крымскую кампанию, так как слишком мало было тебе лет. Не мог я оставить тебя одного сиротой. И с собою взять тоже не мог. Эта боль сидит во мне по сей день. Теперь же иди и воюй за двоих. За семью не бойся. Пока я жив, не дам их в обиду. Обеспечу всем, чем нужно. А жить мне ещё долго, уж я-то знаю. Так что возвращайся с победой и помни: ты казак, сын Характерника — Никанор Татаренко. Не опозорь нашу фамилию. Иди с Богом.

С лёгким сердцем уходил на войну Никанор. Знал, что оставляет жену и сына под надёжной защитой. Недолгими были сборы. Алёна поплакала в плечо мужа, тот поцеловал её крепко, подержал на руках мальчонку:

— Смотри, Ванюшка, мамку и деда слушайся, да в обиду их не давай! А я тебе из похода невесту привезу! С приданым! Хочешь невесту?

— Хочу! Только красивую, как мамка! — звонко выкрикнул шестилетний Ванюшка.

— Добро.

Опустив мальчика на землю, Никанор обнял отца, лихо вскочил на белого как лебедь коня и вскоре уже был в рядах своей сотни Семнадцатого казачьего полка, который шёл на запад, на выручку братьев-славян от турецкого ига.

ШИПКА

В начале июля 1877 года сотня уральских казаков, в которой находился Никанор, достигла берегов Дуная и неожиданно для засевших на другом берегу турецких войск в одну из ночей переправилась через реку, захватив плацдарм для высадки основных сил нашей армии. Под натиском русских частей турки отступили к городу Плевна (ныне Плевен), где попали в длительную блокаду. На помощь им из Турции двинулось тридцатипяти тысячное войско Сулеймана-паши, до сей поры не знавшего поражений ни в одной битве. Но у них на пути, на горном Шипкинском перевале, встали стеной пять тысяч героев, не допустивших прорыва турок в тыл русской армии. Среди них были четыре сотни казаков, полторы тысячи болгарских ополченцев, остальные — наши солдаты-пехотинцы. Подойдя к перевалу, Сулейман-паша произнёс перед началом штурма:

— Пусть я потеряю здесь половину своей армии, но мы прорвёмся и ударим русским в спину.

Казаки бьются с турками. 1877 год.

НИКАНОР

Ещё по дороге к Дунаю, на границе России с Румынией, на обочине одной из лесных дорог, Никанор вдруг узнал большой серый камень, под которым когда-то давным-давно его отец спрятал своё оружие. Откопав старинные сабли и пистолеты, Никанор взял их с собой. Мог ли он предполагать тогда, что это «наследство» отца в дальнейшем спасёт ему жизнь. Волею судеб Никанор оказался среди защитников Шипки. Тридцать пять тысяч янычар, не считая мелких отрядов турецких бандитов-фанатиков — «баши-бузуков» — и немногочисленных разъездов враждебно настроенных кавказских черкесов-переселенцев, девятого августа 1877 года начали штурм Шипкинского перевала. Полчища турецких солдат, напоминавших больших серых муравьёв с красными головами (серые мундиры и красные турецкие шапочки с кисточкой) и стальными жалами (английские винтовки с примкнутыми штыками), ринулись наверх, к вершине горы. Они лезли сплошным потоком, падали, сражённые пулями защитников перевала, но прямо по их телам шли новые и новые воины, гонимые вперёд слепым фанатизмом и страхом перед султаном.

Героическая оборона Шипки. 1877 год.

Два десятка врагов, сражённых меткими выстрелами Никанора из ружья, уже лежали среди камней. Но и с нашей стороны были потери. Всё чаще падали на землю болгарские «братушки-ополченцы», орловские пехотинцы и казаки. Всё меньше и меньше оставалось патронов. Вот уже видны озлобленные лица османов со звериным оскалом и полусумасшедшими глазами. Десять... пять метров до прямого столкновения. Всё, что попадалось под руку — камни, брёвна, а кое-где и трупы самих янычар, — летело вниз на головы нападавших. Стало

понятно: только рукопашная решит дело. И в этот момент над бруствером окопа поднялся, держа в руках лезвием вниз две старинные казацкие сабли, огромный воин в изорванной в клочья рубахе, пропитанной кровью. Это был Никанор Татаренко. В глазах его горел огонь — огонь боевого мага-Характерника, наводящий ужас на врага:

— Гэй-я-а-а!! — пронёсся над горами боевой казачий клич.

Никанор прыгнул в самую гущу оцепеневших турок. И закрутилась мельница смерти, кромсая тела иноверцев. Летели на землю головы в красных шапках, падали рассечённые надвое тела в серых мундирах. Это был «Танец Характерника». Воодушевлённые смелым порывом своего «русского брата», поднялись и болгарские «братушки», а с ними и орловские стрелки, и казаки. Больше часа длилось побоище. Уже горы серых трупов лежали вперемешку с камнями. Уже ручьями текла кровь к подножию гор, собираясь там в огромные красные лужи. И вдруг турки остановились, качнулись и... побежали вниз, сбивая друг друга с ног, падая на острые камни, чтоб уже никогда не подняться.

— Урус-шайтан!! Урус-шайтан!! — в ужасе кричали они, бросая винтовки и сабли.

К вечеру всё стихло. Только слышны были стоны раненых на склонах гор, да красный кровавый туман поднимался к небу, унося тысячи человеческих душ — кого в рай, кого в ад, согласно их вере и делам земным.

Наступил перерыв до утра.

Ошеломлённые таким жёстким отпором, турки ограничились артиллерийской и ружейной перестрелкой. Только на рассвете следующего дня взбешённый Сулейман-паша приказал взять Шипку во что бы то ни стало, не считаясь ни с какими потерями. Окружённые с трёх сторон защитники перевала бились весь день. Воевавшие на стороне османов черкесы зашли в тыл русского расположения, но были отброшены казаками, среди которых выделялся своей отвагой и умением воевать наш тридцатисемилетний казак Никанор Татаренко, прозванный среди своих Характерником, а среди турок — Урус-шайтаном. Он и был послан за подмогой к командующему Южным фронтом русской армии генералу Радецкому.

На усталом взмыленном коне Никанор спустился в долину и помчался в направлении ставки наших войск. Вдруг из прилегающего к долине лесочка показался небольшой отряд всадников из двенадцати человек. Это были «баши-бузуки» — турецкие бандиты-партизаны, мародёрствующие в окрестных сёлах. Пользуясь своей безнаказанностью, они под предлогом войны с «неверными» вырезали славянское население, грабя и насилая, сжигая дома православных христиан. Увидев одинокого всадника, скачущего от Шипки через долину на белом коне, «баши-бузуки», завопив от ярости, бросились в погоню. Никанор отстреливался из ружья на ходу, привстав в седле. Вскоре трое из преследователей уже катились по земле замертво.

Баши-бузуки — турецкие фанатики-бандиты.

Но уставший конь Никанора не мог долго выдержать бешеной скачки и, скошенный пулями бандитов, упал на землю, закрыв собой хозяина, продолжая служить ему и после смерти. Укрывшись за трупом коня, казак продолжал отстреливаться. Меткой стрельбой ему удалось сбить ещё четверых. Только пятеро из двенадцати доскакали до него, приблизившись вплотную, намереваясь взять живым для последующих пыток или продажи в рабство. В этот момент у Никанора закончились патроны. Но были ещё старинные отцовские пистолеты, в сумке у седла лежащего перед ним убитого коня. Одним движением Никанор выхватил их и взвёл курки. Двойной выстрел свалил на землю ещё двух бандитов с пробитыми головами. Оставшиеся трое, осадив коней, в замешательстве топтались на месте.

И тогда навстречу им шагнул тот, за кем они гнались, рассчитывая на лёгкую наживу, — огромный казак с двумя саблями в руках. Скрестив, он держал их перед собой лезвием вниз. В глазах его бушевал огонь.

— Урус-шайтан! — в ужасе закричал один из бандитов и, повернув коня, бросился наутёк.

Двое других замешкались, прежде чем последовать его примеру. Это решило их судьбу. Две казацкие сабли, просвистев в воздухе, пронзили тела насквозь. Теперь только один всадник скакал по полю в обратном направлении, закрыв глаза, пригнувшись к шее своего коня и в страхе шепча молитву из Корана. Ему повезло — он не встретился взглядом с Характерником и потому остался жив, чтобы навсегда убежать из этой страны и потом рассказывать своим детям и внукам об ужасном Урус-шайтане.

Никанор стоял возле убитого коня. Горький ком в горле душил, предательски выдавливая слезу:

— Прощай, брат. Спасибо за всё. Ты был мне верным другом. И даже после смерти закрыл собой от турецких пуль.

Он медленно повернулся туда, куда должен был продолжить свой путь. Легко поймал одну из бегавших поблизости лошадей, оставшихся без своих хозяев. Та сама послушно подошла, признав в нём нового хозяина, лишь только он протянул к ней руку. Вскочив в седло, Никанор погнал лошадь рысью, торопясь за подмогой, чтоб успеть вернуться к вечеру. Иначе турки возьмут Шипку, спустятся в тыл нашей армии, и тогда исход всей войны может решиться не в нашу пользу.

Он вернулся к семи часам вечера с отрядом донских казаков. За спиной у каждого сидели по два солдата-пехотинца резервного стрелкового батальона. Вступив в бой, они задержали турок до подхода основных наших сил. Османы вновь были остановлены и сброшены с перевала. Ещё три дня бились герои Шипки с басурманами с переменным успехом. В шестидневном бою потери русских составили 3350 человек, турки потеряли более 7000. С 15 августа атаки на Шипку прекратились, но турки продолжали непрерывно осыпать русские позиции пулями и артиллерийскими снарядами. С этого времени началось «Шипкинское сидение» — один из самых страшных и трагических для нас эпизодов войны, продлившееся почти полгода и унёсшее ещё 8000 наших солдат. Из них 7000 замёрзли заживо.

МАРЬЯНКА — МАРИЯ — МАШЕНЬКА

Сентябрь 1877 года встретил защитников Шипки ледяным дождём с морозом и ветром. Турки изредка ещё пытались штурмовать перевал, но, поняв, что так его взять не удастся, перешли к массированному обстрелу из пушек и ружей. В то время наша армия, после трёх неудачных штурмов Плевны, взяла её в блокадное кольцо; Сулейман-паша также устроил блокаду Шипкинскому гарнизону. Немногочисленные отряды черкесов и баши-бузуков по-прежнему проникали на равнину в обход перевала, не пропуская обозы с боеприпасами и провиантом. Не трогали они только тех, кого сопровождал со своими казаками Урус-шайтан-Характерник Никанор Татаренко. Но этих поставок катастрофически не хватало. Защитники Шипки голодали. Не было дров для обогрева землянок. Часовые замерзали насмерть прямо на посту. Здесь опять проявилось братство славянских народов. Мужественно перенося все невзгоды, защитники Шипки делились последним, будь то сухарь, полено дров или щепотка табака.

Иллюстрация к эпизоду обороны Шипки.

Доставив на перевал очередной обоз, Никанор, в чёрной бурке из овчины и такой же папахе, весь в снегу, заглянул в одну из землянок, расположенную недалеко от первой линии обороны. Возле небольшой самодельной печки, сделанной из старого ведра, в котором едва тлели несколько угольков, сидела девочка-болгарка лет пяти-шести. Прямо на земле вокруг неё лежали несколько мёртвых окоченевших тел. Это были тела раненых болгарских ополченцев, не доживших до прихода обоза. Закутанная в рваную шаль поверх маленькой потёртой шубки, девочка протягивала ручонки к тлеющим в ведре углям, пытаясь согреться. Но тепла не было. Белый иней уже покрывал её одежду, лежал на ресницах и щеках, постепенно захватывая в свой смертельный плен вечного сна.

— Кто ты, дитятко? Откуда ты здесь? — Никанор присел, взял почти замёрзшего ребёнка на колени, накрыл буркой, стал дышать на заочевенные маленькие пальчики, пытаясь согреть их своим дыханием.

— Мы с мамкой к батке приехали с прошлым обозом. Он здесь с турками воевал. А вчера его убили, а мамка замёрзла... — девчушка неплохо говорила по-русски. — А у тебя, дядечка, хлеба нет? — девочка смотрела на Никанора с надеждой в больших чёрных глазах.

— Сейчас, милая, сейчас. Идём отсюда, — Никанор подхватил ребёнка и, выйдя из землянки, направился к палатке, над которой вился еле заметный дымок. Там находились трое его сослуживцев-казаков. Они накормили девочку горячим кулешом, завернули в тёплый овчинный тулуп и усадили возле чугунной печки, поближе к огню.

— Как звать-то тебя, красавица? — ласково спросил её пожилой казак с пышными седыми усами.

— Марьянка.

— Мария, стало быть, по-нашему, Машенька. А лет тебе сколько?

Девочка показала шесть маленьких пальчиков.

— Ай, молодец какая! — воскликнул казак. — А я дядя Семён. А это мои сынки, — указал он на двух других казаков, сидевших в палатке, — Фёдор и Никифор. Вот и познакомились. Мы тебя, Машенька, в обиду не дадим. Ни туркам, ни кому бы там ещё. Скоро подойдут наши с братушками, и погоним басурман аж до Константинополя. А сейчас ложись-ка, милая, поспи.

Пожилый казак уложил девочку на высокий деревянный настил, подложив набитый соломой матрац и укрыв тулупом:

— Спи, моя хорошая, утро вечера мудренее.

С тех пор Марьянка-Мария-Машенька так и осталась у казаков. Те всячески оберегали её, заботясь как о родной: Семён — как дедушка, а Фёдор и Никифор — как старшие братья. Рассказывали сказки, играли с ней как могли, используя вместо игрушек гильзы от патронов. Как выяснилось, погибшего отца Машеньки звали Емельян. Он погиб, накрыв собой турецкое ядро, спасая от взрыва стоявших рядом русских солдат. Фамилию его никто не помнил, но помнили, что был он родом из самой Плевны.

Никанор, в перерывах между рейдами по сопровождению обозов, приходил проводить спасённую им девочку. Приносил еду, тёплые вещи. Один раз принёс даже тряпичную куклу, сшитую специально для Машеньки болгарскими женщинами в обозе.

И вот, десятого декабря 1877 года, после последней отчаянной попытки прорвать блокадное кольцо вокруг Плевны, турки, потеряв 6000 человек, сдались, подняв над башнями белый флаг. В город вошли русские войска. Их взору открылась ужасная картина последствий блокады. Тут и там валялись обглоданные кости съеденных лошадей, а кое-где — искромсанные человеческие тела. Голод, самая страшная пытка на земле, довёл осаждённых в Плевне турок до людоедства.

После падения Плевны наши войска двинулись к Шипке и вскоре, после нескольких боёв, зайдя с флангов, освободили от турок весь перевал. Пятого января 1878 года дружное «ура!» прогремело над болгарскими горами, и герои-защитники Шипки наконец воссоединились с остальной армией. Наши войска под руководством знаменитого генерала Скобелева, продвигаясь на юг, разгромили тридцатитысячную армию Сулеймана-паши, позорно сдавшегося на милость победителей. Впереди был Константинополь и полная победа России в войне. Но, как известно из истории, командование русской армии по ряду политических причин в отношениях со странами Европы не пошло до конца, подписав в пригороде Константинополя мирный договор с турками, не добив врага в его логове. Этому в большей степени способствовали боявшиеся усиления России Англия, Франция, Австро-Венгрия и Германия. Но основная цель — освобождение славянских народов от пятисотлетнего турецкого ига — была достигнута.

Подвиг русских солдат навечно останется в памяти потомков болгар, сражавшихся бок о бок с нашими предками за свою свободу и саму жизнь.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Ранней тёплой осенью августа 1878 года по извилистой просёлочной дороге от станции Николаевской Оренбургской губернии к усадьбе помещика Курилова ехала повозка, запряжённая одним, но очень могучим орловским рысаком-тяжеловесом. На повозке сидела девочка лет шести с чёрными как смоль волосами и белой как снег кожей. Вокруг неё были аккуратно уложены несколько персидских ковров, две корзины серебряной и фарфоровой посуды, рулон дорогой турецкой парчи, курительный кальян в медной чеканке и множество других диковинных для этих мест вещей. Девочка укачивала на руках маленькую тряпичную куклу, тихо напевая ей:

— А-а-а, а-а-а, вышла кошка за кота. За Кота-Котовича, за Петра-Петровича.

Впереди повозки на чёрном арабском скакуне не спеша ехал статный красавец казак с лихо закрученными усами, в белой с красным верхом папахе и в белой овчинной бурке на плечах. К его седлу был привязан повод «орловца». На груди у казака нет-нет да позванивали, ударяясь друг о друга, три Георгиевских креста и медаль. Два креста были из чистого золота — ими награждали за храбрость в бою. Третий крест — серебряный, за безупречную службу. И наконец медаль — за оборону Шипки. Казак обернулся на повозку:

— Машенька, дочка, не сиди на краю, упадёшь.

— Нееее... — протянула девочка своим тонким голоском. — Я держуся.

— Ты откуда эту песенку знаешь?

— Мне её дедушка Семён пел. Я запомнила.

Казак нахмурился, отводя глаза в сторону. Дядька Семён и два его сына погибли в последнем бою под Константинополем, когда банда башки-бузуков набрела на наш уже почти не охраняемый по случаю победы тыловой лагерь, где стояла палатка, в которой спала маленькая Маша. Только Семён со своими сыновьями оставались в карауле. Насмерть встали они на пути бандитов. Ни один не прорвался к палатке.

Но и сами казаки были сильно изранены, когда подошла помощь. Все трое умерли от полученных ран. Последним умирал дядька Семён. Перед смертью лишь спросил еле слышно:

— Машенька где?

— Здесь, Семён, здесь, — Никанор приподнял тихо спящую на его руках девочку. — Спасибо тебе и сыновьям твоим.

— Хорошо. Не зря жили. Береги её. Забери с собой, — он закрыл глаза и как будто уснул, медленно выдохнув из простреленной груди воздух.

Стоявшие вокруг — русские, болгары, сербы — молча сняли шапки. Никанор негромко, но так, чтобы слышали все, произнёс:

— Вечная память тебе и сынам твоим, и всем павшим православным людям, что легли за свободу в борьбе с нечестью, что отдали свои жизни за победу добра.

Никанор отбросил нахлынувшие было воспоминания. Опять с любовью в глазах посмотрел на девочку:

— Вот мы и приехали. Сейчас я тебя с дедушкой Ваней познакомлю. И с мамой Алёной, и с братишкой твоим старшим Ванюшкой.

— А они будут любить меня, как мамка с батянькой любили?

— Конечно, Марьяночка. Ты ведь теперь и наша дочка тоже. Они нас давно ждали. Небось все глаза проглядели.

Никанор поднёс свободную руку ко лбу, прикрывая глаза от яркого закатного солнца. От усадьбы к ним стремительно мчался гнедой конь без седла, с маленьким всадником на спине.

— Батяня-а-а! — пронзил округу радостный мальчишеский крик.

— Сыно-о-о-к! Ванюшка!

Казак, соскочив с коня, принял в объятия прыгнувшего на него сверху крепкого мальчонку и закружил, подняв над собой и громко хохоча:

— Казак! Ну казак! Настоящий! Здравствуй, кровинушка. А где ж мамка, где дедушка?

— Они у хаты ждут. Меня наперёд послали встретить. А это что? — вдруг растерянно проговорил он, увидев воз добра с девочкой посередине.

— А это я тебе невесту привёз, как обещал, с приданым, — засмеялся Никанор.

Глаза мальчонки стали круглыми от удивления.

— Вот это да-а-а... — произнёс он, открыв рот. — Ну, батя, ты даё-о-о-шь...

Вдруг взгляд его упал на награды, блестящие на груди отца.

— Ого-о-о... Ничего себе. За что кресты, расскажи.

— Расскажу, расскажу. А пока скажи обратно, вели мамке стол накрывать. Будем праздновать.

Никанор посадил мальчонку обратно на коня:

— Давай, сынку, вперёд!

Семилетний казачонок озорно крикнул, посмотрев на притихшую в повозке девочку:

— А ничего так! Красивая! — и, нагнав голыми пятками по конским бокам, с радостным криком: — Гэй-я-ааа! — помчал обратно к усадьбе.

— А кричит как я. Только от радости, — задумчиво произнёс Никанор, глядя вслед маленькому всаднику.

Конец первой части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ИВАН НИКАНОРОВИЧ

Ой то не вечер, то не вечер,

Мне малым-мало спалось,

Мне малым-мало спалось,

Ой да во сне привиделось.

Ой да во сне привиделось,

Будто конь мой вороной

Разыгрался-расплясался,

Разрезвился подо мной.

А есаул догадлив был,

Он сумел сон мой разгадать:

«Пропадёт, — он говорил, —

Твоя буйна голова».

Ой налетели ветры злые

Да с восточной стороны

И сорвали чёрну шапку

С моей буйной головы.

Ой то не вечер, то не вечер,

Мне малым-мало спалось,

Мне малым-мало спалось,

Ой да во сне привиделось.

Старинная песня уральских казаков.

Прошло двенадцать лет со дня возвращения с войны Никанора Татаренко. Его сын Ванюшка вырос, превратившись в красавца казака с широкими покатыми плечами, обладавшего недюжинной силой и молодецкой удалью во всём. Как когда-то его отцу, не было ему равных ни в кулачном бою, ни на скачках, ни в искусстве владения каким бы то ни было оружием на праздничных казачьих играх. Дед и отец воспитали в нём дух Характерника, сочетавшийся с природной смекалкой и железной выдержкой в любой ситуации. Расцвела небывалой южной красотой и Марьянка. Копна пышных волнистых чёрных как смоль волос спадала на хрупкие

девичьи плечи, закрывая от солнечных лучей белокожее чернобровое лицо. Один лишь взгляд её прекрасных чёрных глаз мог вогнать в смущение любого казака. Мужики, глядя на неё, распрямляли спины, набирая воздух в грудь, даже женатые и пожилые, не говоря уже о молодых хлопцах. Движения стройного женского тела поражали своей грациозностью, а ради её прекрасной белозубой улыбки любой был готов на безумства и подвиги.

С детских лет Ивана и Марьяну сначала в шутку, а потом и всерьёз люди за глаза звали «женихом и невестой». Все знали, что брат и сестра не были родными по крови.

Семья Татаренко жила в достатке. Дед Иван в свои девяносто любил посидеть на крыльце большого дома, покуривая старинную казацкую трубку. Никанор, всё такой же бравый, но уже с видимой сединой на висках, нёс службу в казачестве, обучая молодых казаков военному делу. За полученные на войне награды он ежемесячно получал весьма солидное денежное пособие, что позволяло ему не только укреплять домашнее хозяйство, но и изредка баловать подарками жену и названую дочку.

Шёл 1891 год. Царское правительство после отмены крепостного права не дало крестьянам землю в личное пользование, оставив право собственности за помещиками. Перекачивая налоговые денежные поступления от продажи зерна за границу в развитие промышленности, оно пыталось догнать экономику развитых европейских стран. Но два подряд неурожайных года и отсутствие достаточных запасов хлеба в стране породили голод, унёсший жизни сотен тысяч крестьян как в Поволжье, так и в других губерниях. То там, то здесь вспыхивали очаги эпидемий тифа и холеры. Толпы голодных, нищих людей шли по дорогам России, побираясь, выпрашивая кусок хлеба. На обочинах лежали трупы умерших от истощения и болезней, распространяя заразу и смрад.

Не обошла беда и семью Татаренко. Заболел тифом Никанор. Вернувшись с очередных учений из казачьего лагеря, он заперся в отдельной комнате, запретив входить к нему всем, кроме деда Ивана. Тот носил ему еду, воду, готовил лечебные снадобья, но болезнь оказалась сильнее. Как ни старался старый Характерник, не смог поднять сына, а после смерти Никанора слёг и сам. Проболев неделю, призвал к себе внука, Марьянку и убитую горем сноху.

— Прощайте, дети мои. Оставляю вас и я. Уношу с собой болезнь проклятую. Больше здесь никто не заболеет. Ты, Иван, остаёшься заступником сестре и матери. Марьяна — сестра тебе не по крови, но по духу. Держитесь вместе, а мне пора. Надеюсь увидеть на том свете сына своего, а вашего отца, а также жену мою любимую Оксану. Аленушка, дочка, прощай. Прости, что не уберёг Никанора. Видно, судьба у нас такая — умирать не от старости. Оставляю тебя с болью в сердце. На том прощайте, — сказав это, старый Характерник привстал на кровати, опершись на локоть левой руки. — Храни вас Боже! — и, перекрестив всех широким жестом правой руки, медленно лёг на спину, закрыв глаза, тихо выпустил из груди последний вздох.

Схоронив отца и деда, семья лишилась основной поддержки в трудное для всех время. Постепенно начало приходить в упадок домашнее хозяйство. Стало не хватать денег на уплату налогов за землю, на содержание скота и другие нужды. Вокруг стремительно разорялись крестьянские общины. Люди, бросив свои дома, уходили в поисках работы — кто в города на фабрики, кто в батраки к помещикам, которые не бедствовали, имея запасы и хлеба, и денег, полученных от продажи последнего за границу.

АЛЕКСАНДР КУРИЛОВ

Не бедствовали и Куриловы. К этому времени обе их дочери удачно вышли замуж и жили теперь за границей, изредка навещая своих пожилых родителей. Сын же Александр действительно стал блестящим офицером, но, выросший среди простых людей, воспитанный в духе казачества, не умел плести интриги и скрывать свои чувства, когда это было нужно для карьеры, потому и был послан на Кавказ вместо службы при дворе Его Величества. Там он получил славу отчаянного храбреца и неисправимого дуэлянта и к своим тридцати двум годам, в звании поручика лейб-гвардии казачьего полка, имел уже три ранения, одно из которых было тяжёлым, и множество наград, включая два Георгиевских креста за храбрость в бою. Александр не был красавцем. Роста он был невысокого, но подвижен и даже резок в движениях, как и его отец в молодости. На левой щеке отставного поручика алел небольшой шрам, оставленный концом острия черкесской сабли. Но это лишь придавало мужества виду лихого офицера. Из-за полученных на Кавказе ранений Александр Алексеевич вынужден был уйти в отставку и теперь коротал дни в имении родителей, иногда выезжая в станицу Николаевскую по различным коммерческим поручениям отца. Из-за опасности быть убитым во время военной службы он так и не обзавёлся семьёй. К тому же ему претили чопорные напояженные дамы высшего общества, у которых на уме были только балы да наряды.

И вот как-то раз, направляясь в Николаевскую с очередным поручением отца, проезжая мимо поля, на котором крестьяне убрали лён, Александр заметил молодую черноволосую девушку невиданной им доселе красоты. Та вязала скошенные стебли в маленькие стожки, ловко орудуя серпом. Её гибкое стройное тело будто в медленном танце двигалось среди благоухающих ароматов полевых трав, а сосредоточенное прекрасное лицо светилось такой полнотой жизни и молодости, что Александр на мгновение перестал видеть и слышать окружающую его действительность. Резко осадив коня у самого края поля, как замороженный, молча разглядывал прекрасную незнакомку, поражённый её красотой, всё больше и больше влюбляясь раз и навсегда, понимая, что уже не сможет жить как прежде, что эта девушка — его судьба.

Марьяна — а это была она — увидев всадника, остановившегося в нескольких метрах от неё, не перестала работать, а лишь мельком взглянула своими чёрными глазами, обдав седока колдовским жаром.

— Кто ты, красавица? Чьих будешь, если не секрет? — наигранно бодро спросил Александр, собравшись с духом, стараясь скрыть хрипоту в голосе.

— Не секрет, — девушка вскинула голову с копной чёрных как смоль волос, подбоченясь одной рукой, другой поигрывая острым серпом. — Татаренко мы. Батюшка с дедом ваше имение охраняли.

— А-а-а. Так ты дочка самого Никанора Ивановича? Как же я тебя раньше не видел?

— А вы, барин, редко дома бывали, вот и не видели. Зато мы вас хорошо знаем. И батюшку вашего, Алексея Митрофановича, и матушку Наталью Николавну, и сестёр ваших.

— Надо же, сколько я времени даром потерял.

— Почему даром?

— Даром — потому что тебя не видел, не любовался красотой твоей.

От таких слов уже Марьяна смутилась не на шутку.

— Полно вам, барин. Езжайте, куда ехали. Нам работать надо, а не глупости слушать.

— Скажи хоть, как зовут тебя?

— Марьяна её зовут, — весело крикнула одна из окружавших девушку подружек, — а можно Мария или Машенька. Женись на ней, барин, лучше невесты тебе не найти. Только сначала разрешения у её жениха спроси, у Ивана. Без его согласия она за тебя не пойдёт, —

подружки залились весёлым смехом, а Александр вдруг заметил, как нахмурилась Марьяна и, подхватив недовязанный стожок, пошла прочь, строго кинув развеселившимся подругам:

— Хватит вам пустозвонить. Вечер скоро, а работы ещё невпроворот.

Слегка растерявшись от услышанного, Александр какое-то время постоял, глядя вслед уходящей Марьяне, затем решительно развернул коня и помчался обратно к усадьбе, забыв о поручении отца.

Стареющий барин Алексей Митрофанович Курилов со своей по-прежнему миловидной пятидесятилетней женой Натальей Николаевной сидели в своём родовом имении на лужайке, в тени раскидистого орехового дерева, за маленьким чайным столиком, на котором попыхивал небольшой самовар и стояли две белых чашки китайского фарфора, а также глубокое блюдо с кизилевым вареньем и небольшая ваза с пирожными. Сам хозяин поместья просматривал «Земские новости», а его благоверная пыталась что-то вязать из шерсти.

— Натальюшка, брось ты это дело. Тебе что, платков мало?

— Причём здесь платки? Я хочу научиться вязать детские вещи.

— Интересно, для кого? Твои три внучки за границей, и они уже вышли из младенческого возраста.

— Ты забыл, у нас неженатый сын.

— А-а-а-а, вон ты о чём. Так его ещё женить надо. На избалованных барышень он и смотреть не хочет, а других я что-то и не вижу.

— Ты не видишь, а боженька всё видит и слышит. И на молитвы мои рано или поздно ответит. А мы с тобой должны быть готовы в любой момент.

— Да я-то всегда готов. Только свистни — враз свадьбу сыграем.

— Вот и будь. Чует моё сердце, скоро свершится. Глянь-ка, это не Александр мчится сломя голову? Ты скажи ему, нельзя так быстро ездить.

В ворота усадьбы на взмыленном коне влетел Курилов-младший. На ходу соскочив на землю, Александр бросился к опешившим родителям:

— Отец! Матушка! Я влюбился! Прошу вас, засылайте сватов, пока не поздно. Её зовут Марьяна. Она дочь казака Никанора Татаренко, который со своим отцом охранял наше имение.

Испуганные родители сидели, раскрыв рты, не зная, что делать. Неужели господь услышал их молитвы, неужели их сын нашёл свою вторую половину. Глаза его горят. Видно, «мальчик» действительно влюблён. Наконец Наталья Николаевна растерянно, чуть заикаясь, промолвила:

— Это же крестьянка Машенька. Она сирота, да и семья их небогата. Что скажут соседи? Мы-то дворянского рода.

Алексей Митрофанович молчал, пытаясь осмыслить ситуацию.

— Отец, почему ты молчишь? — горячился Александр. — Разве ты забыл, что они спасли нас всех от беглых каторжников. Я люблю эту девушку, и если не она, то не будет уже никакой другой.

Старый барин хмуро смотрел себе под ноги, пытаясь прийти к правильному решению. Его слово было решающим. Наконец он заговорил:

— Сынок, я рад твоему выбору. Достойнее девушки тебе не найти. Ничего, что они небогаты. У нас хватит добра на всех. Но насколько мне известно, у Марьяны есть жених, и если ты ей не по нраву, то, как говорится, насильно мил не будешь.

Тут в разговор вступила Наталья Николаевна, вдруг полностью вставшая на сторону сына:

— Да какой он ей жених? Они брат и сестра. Да и молод ещё Ванька жениться. А уж против нашего Сашеньки ему и подавно не устоять.

Обрадовавшись такому решению жены, Алексей Митрофанович радостно вскочил на ноги и, махнув руками сверху вниз, сжав кулаки, воскликнул:

— Ну так и быть посему! Собирайтесь! Едем свататься!

МАРЬЯНА

Как только Александр, развернув коня, умчался в направлении отчего дома, подружки Марьяны наперебой защебетали, подначивая девушку:

— Ну всё, Машка, быть тебе барыней! — кричала одна.

— Точно, точно. Жди теперь сватов, — вторила ей другая. — Глянь, как помчался. Только пыль из-под копыт. Небось испугался, что Иван его опередит.

— А что мне Иван? — хмурясь, отвечала Марьяна. — Он мне брат, а не жених. Как я решу, так и будет.

— И совсем он тебе не брат, сама знаешь. Смотрит на тебя как на царевну, пылинки сдувает, а уж сколько парней поколоти-и-и-л... Любит он тебя.

— Глупости всё это. Разные у нас дороги, — она грациозно расправила уставшие плечи и, подняв ладонь козырьком над глазами, посмотрела вслед ускользавшему Александру. Какое-то неизведанное доселе чувство вдруг появилось в её груди. Перехватывая дыхание, оно росло, поднимаясь откуда-то снизу, и в конце концов ударяло в голову, обжигая лицо.

Да, лихой офицер действительно понравился ей. Напористый, решительный, ещё молодой, но уже повидавший жизнь. К тому же дворянин. Он мог покорить сердца многих красавиц, но обратил внимание на неё, простую крестьянку. Это льстило Марьяне. Она знала себе цену, знала, что красива, и в мечтах своих представляла своего суженого похожим на Александра.

«А что если он и вправду надумает свататься? Как тогда ей быть? Что скажет матушка, что скажет Иван? Да нет, он барин, дворянин, а она всего лишь красивая бедная крестьянка. Никогда он не женится на девушке не своего круга», — так думала Марьяна, но сердце её говорило обратное: сама она не сможет отказать, если вдруг Александр и вправду надумает свататься.

Девушки ещё работали, когда со стороны села показался всадник. Мальчишка-сосед, подскакав ближе, закричал что было сил:

— Марьяна! Татаренко! Беги скорее домой! Тебя сватать приехали! Сам Курилов с жинкой пожаловал!

Карета, запряжённая тремя рысаками, подкатила к дому вдовы Алёны Татаренко. Отдельно, на вороном красавце-коне, сам в парадной форме поручика лейб-гвардии казачьего полка, сверкая орденами и медалями, бледный от волнения, но решительный, уверенный в своём выборе, ехал молодой Курилов. Заслышав шум, из дома навстречу приехавшим вышла Алёна, одетая по-простому, удивлённая неожиданным визитом гостей.

Из кареты, без всякой посторонней помощи, по-молодецки держа осанку, первым выскочил поседевший, но как всегда бодрый и подвижный Алексей Митрофанович. Следом за ним, опираясь на поданную ей руку, аккуратно ступая по ступенькам кареты, спустилась и его жена Наталья Николаевна. Алёна приветствовала важных гостей полупоклоном:

— Здравствуйте, гости дорогие. Чем обязаны такой чести?

— Да вот, Аленушка, прибыли к тебе по очень важному, не терпящему отлагательства делу, — выступил вперёд отец семейства. — Как говорится, ваш товар — наш купец. А уж купец молодец, — широким жестом руки он повернулся и указал на сына, стоявшего позади по стойке смирно. Тот щёлкнул каблуками сапог, слегка наклонив голову вперёд.

— Хотим породниться с тобой, — продолжил Курилов-старший. — Уж больно твоя Марьяна нашему Александру приглянулась.

Поняв цель неожиданного визита, Алёна почтительно промолвила:

— Что ж, проходите в дом, коль приехали. Там и поговорим. Только самой Марьяны дома нет. Она ещё в поле. Да и сын мой Иван на службе в лагерях.

— А что нам дети. Судьбу их мы решаем. На Руси так издавна повелось. Как родители скажут, так тому и быть.

Алексей Митрофанович под руку с супругой чинно прошли в дом, где присели за большой стол. За ними вошёл Александр. Он встал за спинами родителей, стараясь не показывать своего волнения и смущения перед будущей тещей. Алёна, пройдя к своему месту во главе стола, продолжила начатый на улице разговор:

— Так-то оно так, Алексей Митрофанович, только Марьяна по крови дочка болгарина, погибшего на Шипке. Знаем только, что звали его Емельян и что погиб он геройски. И мать её там же осталась. Сама замёрзла, но дочку спасла.

— Это и мы знаем. Слыхали от людей. Только благословлять её всё равно тебе придётся. А у нас она будет как за каменной стеной. Мы сами дворянского рода. Сын наш человек заслуженный, совсем ещё не старый. А уж в Марьяну влюбился с первого взгляда, и, как я понимаю, на всю жизнь. Правда, Александр, чего молчишь? — Курилов весело, ободряюще повернулся к сыну.

— Так точно, — по-военному чётко произнёс Курилов-младший, сдержав дрожь в голосе усилием воли. — Не извольте сомневаться, Алёна Петровна. Никогда не обижу и в обиду не дам. Сделаю всё, что в моих силах, для счастья Марьяны.

— Вот. Слыхала? — Курилов-старший опять повернулся к Алёне. — Да и нам с Натальей Николавной уж больно хочется ещё внуков поняньчить. А иначе зачем нам свет коптить со своими богатствами. Правда, Натальюшка? — повернулся он к молчавшей до сих пор жене.

— Конечно, конечно, — затараторила та, — а уж мы вас с Иваном не оставим, ни в чём нуждаться не будете.

— Соглашайся, Алёна, — опять вступил в разговор Алексей Митрофанович, — не найти тебе зятя лучше нашего Александра.

Немного помолчав, Алёна ответила, стараясь не обидеть гостей своими словами:

— Да я-то не против. Люди вы хорошие. И сын ваш Александр Алексеевич человек достойный. А только против воли самой Марьяны согласия дать не могу.

— Так давай её спросим. Где она?

— На поле. Лён собирают.

— Вот и зови её сюда скорей. Будем все вместе решать. А то ведь времечко-то летит стрелой. И мы не вечны, и молодым торопиться надо.

— Ну что ж, за ней уж послали, а вас пока угощу чем бог послал.

Алёна поднялась, чтоб выставить на стол небогатое угощение:

— Вы уж не обессудьте, не ждала я сегодня гостей.

— Да ты не суетись, милая, — вскинулся Алексей Митрофанович, — мы всё, что нужно, с собой привезли. А ну, Александр, неси из кареты угощенья и подарки.

Вскоре стол был заставлен роскошными закусками и винами, и к приходу Марьяны и гости, и хозяйка уже пропустили по стаканчику наливки.

Марьяна вошла смело. Совсем не смутившись, гордо, с интересом окинула взглядом гостей, сидевших за празднично накрытым столом, вежливо поздоровалась и, не сказав ни слова, прошла в свою светёлку, наполнив дом ароматом полевых цветов и каким-то небывалым светом красоты и молодости.

ИВАН — НИКАНОРОВ СЫН

В казачьих лагерях Оренбургской губернии шли учения молодых казаков. Иван Татаренко, будучи в чине хорунжего, тренировал прибывших юнцов в стрельбе из недавно созданной русским оружейником Мосиным винтовки. Здесь Ивану не было равных. Копьём и шашкой он владел не хуже любого казака, но из новой пятизарядной винтовки только он мог пять раз подряд попасть в пятиалтынный со ста шагов.

— Господин хорунжий, — обратился к нему молоденький шестнадцатилетний казачок, — а скажите, мы тоже будем так стрелять?

— Всё может быть. Тренируйтесь, стремитесь. Но у тебя, Мухин, всё же пока копьём лучше получается. Только вот что я вам скажу, ребяташки дорогие. Будущее за ружьями и пушками и за всякой технической всячиной, но в лихой сабельной атаке и в рукопашном смертельном бою нет замены казакам и солдатам. Так что старайтесь сейчас, чтоб потом не плакать. И как говорил наш легендарный непобедимый русский полководец Александр Васильевич Суворов: «Тяжело в учении — легко в бою!» А сейчас — вольно! Разойдись!

Повернувшись на звук приближающегося топота копыт, Иван узнал в наезднике своего односельчанина-одногодку Василия Кучина. Осадив коня, тот закричал, обращаясь к Ивану:

— Здорово, станишник! Всё пацанами командуешь?

— Здорово, Василь. Ты чё такой взмыленный? На коне пены меньше.

— Да вот примчал спросить тебя: ты на Марьяне женишься думаешь аль нет?

— Сдурел ты, что ли? Она сестра мне, хоть и не родная.

— Да знаем, знаем. Только сосватали её третьего дня, и тебя не спросили. Угадай, за кого.

От услышанного Иван побледнел лицом. Да, Марьяна была ему названной сестрой, но при одном только упоминании о ней в его душе поднималась такая волна нежности и самой настоящей любви, каких он ещё не знал в свои двадцать три года.

— И за кого же? — спросил он, отведя взгляд.

— За Курилова младшего. За Александра Алексеевича. Как тебе такое? С дворянами породнишься.

— Ну что ж, — тихо произнёс Иван, сдерживая дрожь в голосе. — Человек он неплохой. Из достойной семьи. Да и состоятельный не в пример нам.

— Так-то оно так. Да что-то вид у тебя не больно радостный. Ну да ладно, брат, не кручинься. На наш с тобой век девок хватит. А эти свадьбу на осень назначили. Эх, такую красоту отдаём. Повезло Курилову, — и, прищиприв коня, Васька усакал прочь.

«Ну что ж, видно, такова судьба. Без согласия самой Марьяны матушка бы её не выдала. Видно, понравился названной сестрёнке отставной герой-офицер из богатой дворянской семьи. Значит, разные у нас с ней дороги», — так думал Иван, подходя к казарме, возле которой дымили сигарками бывалые пожилые казаки, обсуждая последние политические новости с Дальнего Востока. Не такого уж дальнего для Урала, но стратегически важного для всей России. Агрессивные устремления японцев получили толчок после крестьянского восстания в Корее в 1893–94 годах. Впоследствии Россия совместно с Америкой и Англией, послав к берегам Японии флот из кораблей этих стран, вынудили японцев отказаться от захваченного ими полуострова Ляодун с расположенными там портами Далянь и Порт-Артур. Это позволило значительно обезопасить строительство Сибирско-Китайской железной дороги — КВЖД, так необходимой для снабжения наших войск в этом регионе и вообще для развития Дальневосточного края.

Свадьба Александра Курилова и Марьяны состоялась, как и намечали, в середине августа. Тёплым солнечным днём множество гостей собрались на венчание в станице Николаевской. Затем все были приняты в усадьбе Куриловых. Отдельный роскошный стол накрыли в

просторном зале большого дома поместья. Здесь собрались почётные гости из числа родственников жениха, а также друзья, соседи и бывшие сослуживцы Александра Алексеевича со своими жёнами. Для простого люда накрыли несколько больших столов прямо на лужайке возле поместья, где любой желающий мог отведать угощения и выпить «за здоровье молодых». Иван с матерью сидели в доме среди почётных гостей, как единственная родня невесты. Гости произносили торжественные тосты, желая молодым супругам семейного счастья, здоровья им и их родителям, долгих лет жизни и, конечно же, много-много детишек. Каждый тост оканчивался громкими криками «горько!», и Александр нежно, но сдержанно целовал Марьяну. Та подчинялась мужу, принимая поцелуи, закрыв глаза, чуть приподнявшись на цыпочках. Когда все традиции были соблюдены, молодожёны удалились в спальню, а веселье продолжалось уже без них, то затухая, то разгораясь с новой силой.

Захмелевший от медовухи Иван вышел на улицу, где всюду играли музыканты. Народ отплясывал под звуки гармошек и балалаек то лихую плясовую, то благочестивую кадрили, разбившись по парам. Только одна девушка скромно стояла в стороне. Бедно, но опрятно одетая, она смотрела на танцующих светлыми голубыми глазами, теребя в руках маленький белый кружевной платок. Лет ей было не больше семнадцати. Почти детское миловидное личико обрамляли локоны белокурых волос, припухлые губы и румянец на щеках выдавали юный возраст.

— Как зовут? — строго спросил полупьяный Иван, обращаясь к ней как к своим ученикам-первогодкам на плацу.

— Настя, — застенчиво ответила та.

— Станцуем? — он протянул ей свою крепкую руку ладонью вверх. Она в ответ молча протянула свою, маленькую и нежную, вложив её в его широкую ладонь. Благородная, чинная кадрили повела их по кругу.

— Гляньте, гляньте, какая пара, — зашептали сидевшие за столами бабы-казачки.

— Да больно молода ещё. Это Настюшка-сирота. Её батька в прошлом году в речке спьяну утоп. А уж куда потом мать делась, никто и не знает. Теперь у тётки живёт. Совсем ещё молоденькая.

— Вот и хорошо. Самый сок. Лучше раньше за такого, как Иван, чем потом за кого не попадя.

— Да-а-а, пара что надо. А давайте их поженим! — подхватил какой-то мужик.

— Сначала сосватать надо.

— И сосватаем. Где матушка Алёна Петровна? Я хоть щас с ней заместо отца Ванькиного пойду, — поднялся старый молодцеватого вида казак.

— Да она в доме у Куриловых.

— А-а-а. Ну тады я завтра пойду, — дед снова опустился на лавку.

— Давай, давай, старый. Мы только за. Нам чем больше свадеб, тем лучше, — подхватили бабы.

— Это понятно, что вам чем больше, тем лучше. Вам лишь бы нас, мужиков, окрутить.

— Да тебя-то, старый, чего крутить? А вернее, за что? — грохнули смехом бабы.

— Но-но. Вертихвостки. Я в своё время ух как вас гонял.

И тут в разговор наконец вступила молчавшая до сих пор его старуха:

— Кого это ты гонял, кобель старый? А ну, пошли домой, там расскажешь, — подхватив деда под руку, она потащила его из-за стола.

— Да ты что, Матрёна, я только тебя любил!

— Идём, идём. Хватя на сегодня. Ты уж и так набрался.

Поняв, что сопротивление бесполезно, дед, слегка упираясь, всё же пошёл с ней домой в сторону села.

А Иван с Настеной, оттанцевав кадрили, пошли гулять по хутору. Потом, проводив девушку до калитки, уже прощаясь, он вдруг неожиданно для самого себя спросил:

— Пойдёшь за меня?

Настена еле заметно кивнула и тут же быстро убежала во двор. Уже забежав в хату, прижалась спиной к двери, закрыв лицо ладонями. Ей было стыдно, что она так быстро согласилась. Но вместе с тем она была счастлива в этот момент. Ведь сам Иван Татаренко, лучший жених во всей округе, не только заметил её, но и позвал замуж.

Проводив Настену, Иван вернулся в усадьбу Куриловых. Увидев мать, тут же обратился к ней с просьбой:

— Матушка, любя мне Настена. Засылай сватов. Завтра же и засылай. Чувствую, пора уж и мне остепениться.

Мать радостно улыбнулась:

— Что ж, сынок, видно, судьба мне и тебя поженить. Знаю я эту девушку. И собой хороша, и хозяйка будет хорошая. Иди спать. Утро вечера мудренее. А завтра сделаем всё, как ты хочешь.

На том и порешили. Иван побрёл домой, а Алёна, перекрестив его вслед, вернулась к гостям, которые уже начинали расходиться на ночлег по комнатам большого двухэтажного дома Куриловых.

НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

Месяц спустя после свадьбы Александра Курилова с Марьяной поженили и Ивана с Настеной. Молодая невестка действительно оказалась хорошей хозяйкой — настоящей хранительницей семейного очага. Алёна какое-то время жила с ними, но вскоре перешла жить к Куриловым. Там Марьяна с мужем окружили её заботой. А спустя пять лет она была уже бабушкой четверых внучат — две девочки с разницей в два года родились у Куриловых и два мальчика с такой же разницей у Татаренко. Пришлось ей опять вернуться в дом к сыну — помогать Насте по хозяйству, пока Иван нёс службу в казачьем полку, часто выезжая на учения. А вскоре бог опять послал в каждую семью по мальчику. Старый Курилов от счастья был, что называется, на седьмом небе. Наконец-то он дождался внука, продолжателя их дворянского рода.

— Ну теперь всё, — довольно потирал руки Алексей Митрофанович. — Теперь-то уж мы покажем. Я из него настоящего промышленника сделаю. За границей выучу. Хватит с нас военных.

— Да погоди ты, может, мальчик профессором каких-нибудь наук станет, — возражала ему Наталья Николаевна.

— Каким ещё профессором? Только промышленником. На худой конец банкиром или крупным коммерсантом. За ними будущее.

— Ох, Господи, Господи, — вздыхала бабушка, — кем бы ни вырос, лишь бы не было войны.

Но война пришла неожиданно-негаданно. К 1904 году сильно обострились русско-японские отношения на Дальнем Востоке. И вот, после подлого неожиданного нападения японской эскадры на наши корабли, стоявшие на рейде Порт-Артура, и битвы русского крейсера «Варяг» с четырнадцатью вражескими кораблями, в конце января 1904 года началась Русско-японская война. Уже в феврале шестидесятитысячная армия самураев высадилась в Корее и двинулась на Маньчжурию, находившуюся под контролем наших войск.

Холодным февральским утром Настя Татаренко, вся в слезах, прибежала в усадьбу Куриловых, где в это время гостила свекровь, и, рыдая, бросилась к ней на грудь:

— Матушка! Война! С японцами! Ванечку призывают! Как же так? Ему ж, почитай, четвёртый десяток. Неужто заберут при трёх-то детках?

— Ты откуда это взяла? Япония вона где — на краю света, — пыталась успокоить её та, обняв и прижав к груди как родную дочь.

— Васька Кучин с лагерей прискакал. Всех казаков, которым сорока нету, срочно в Николаевскую на «круг». Что ж теперь будет?

— Да погоди ты, не реви. Идём, Александра Алексеевича спросим, уж он-то должен знать.

Поднявшись на второй этаж, постучав в дверь кабинета Курилова, они вошли и увидели того стоящим возле окна с какой-то бумагой в руке.

— Александр Алексеевич, батюшка, — Алёна с надеждой и тревогой смотрела на зятя, — что ж это, говорят, война с Японией?

Курилов медленно повернулся к ним. По его взгляду они поняли, что не ошиблись.

— Да. Это правда, — тихо произнёс он. — Вот депеша. Только что доставили. Мне предписано явиться как офицеру запаса. Думаю, в действующую армию меня не возьмут по причине возраста и ранений, а скорее всего, поручат организацию снабжения.

— А Ивана? — Настя смотрела на него с надеждой в глазах.

— Ивана скорее всего призовут, так как он подходит по всем статьям. К тому же теперь он сотник. Ну что ж, послужить Отечеству — священный долг каждого из нас.

— А как же дети? — тихо прошептала Настя.

— За детей не бойся. Мы ведь родня. Вас не бросим. Всё, что нужно, у нас есть. Родители мои вас любят. Опять же Марьяна здесь. Так что перебирайтесь к нам в усадьбу. Будем жить одной большой семьёй.

— Спасибо, Александр Алексеевич. Надо с Ваней посоветоваться. Хозяйство бросать тоже не годится. Если что, обращусь к вам, — печально сказала Настя и, повернувшись, вышла.

— Я с ней пойду. Не гневайся, Александр Алексеевич. Я там нужнее, — Алёна вышла вслед за невесткой.

— Конечно-конечно, идите, Алёна Петровна, — успел сказать он вслед и вновь погрузился в свои мысли о предстоящих хлопотах.

Настя со свекровью вернулись в дом семьи Татаренко, где стали ждать возвращения из казачьих лагерей Ивана.

МАНЬЧЖУРИЯ

Очередной товарняк с казаками, с их лошадьми, оружием и провиантом прибыл в Маньчжурию по КВЖД (Китайско-Восточной железной дороге) в конце марта 1904 года.

Сотня, которой командовал Иван Татаренко, вошла в состав кавалерийской дивизии Четвёртого Сибирского корпуса, в Восточный отряд генерала Засулича, составлявший стратегический авангард на реке Ялу, в дикой горной лесистой местности на расстоянии двухсот километров от наших главных сил. Японцы находились на противоположном берегу реки, что с одной стороны облегчало нашу оборону, но с другой вносило трудности в наблюдение за действиями противника.

Сотне Ивана было поручено производить разведку путём вылазок — как дневных, в несколько конных разъездов, так и ночных, с целью захвата или уничтожения вражеских лазутчиков. Одним из самых сложных заданий было задание по захвату «языка».

Скрытно переправиться через реку было практически невозможно. Все попытки разведчиков заканчивались трагически. Их расстреливали ещё в воде или убивали уже на берегу, дав переправиться, а отрубленные головы выставляли на всеобщее обозрение на кольях. Сами же японцы засылали к нам для диверсий специально подготовленных фанатиков-камикадзе, готовых при угрозе плена совершить харакири.

Поэтому было решено устроить ночную засаду на берегу реки, чтобы попытаться взять хотя бы одного диверсанта живым. На задание Иван решил пойти сам, взяв с собой трёх казаков-пластунов из кубанской сотни, умеющих подкрасться к врагу незамеченными и мастерски владеющих любым холодным оружием.

Кубанские казаки-пластуны.

— Вот что, хлопцы, — обратился Иван к «пластунам», — задание у нас сложное. Нужен «язык». И язык хороший, чтоб было за что ордена получать. На берегу в камышах сядем тихо. Ничем себя не выдавать. Если повезёт, если лазутчики появятся — ждать команды. Нужен хотя бы один, но живой, до того как он себя вскроет. Поэтому первого пропускаете, остальных — в расход. Первый у них обычно старший. Я его возьму на мушку и, если что, слегка подстрелю, а уж вы тогда вяжите его, но аккуратно. Всё ясно?

— Ясно, командир. А сигнал от вас какой будет?

— Свистну, вот так, — Иван резко и коротко свистнул.

— Дозвольте спросить, ваш бродь, — выступил вперёд коренастый молодой казак.

— Спрашивай.

— Как же вы в потьмах стрелять будете? Нас не зацепите?

— Как звать тебя?

— Игнат Степура.

— Не бойсь, Игнат, при такой луне, какая ночью будет, да с близкого расстояния я не промахнусь. Все — пошли.

Укрывшись в прибрежных камышах, казаки прождали всю ночь. От злости и холода уже скрипели зубами, когда перед рассветом четыре камышинки, чуть торчавшие над водой, сначала приблизились к берегу, а затем превратились в человеческие головы. Четверо лазутчиков тихо, как тени, вышли из воды. Полуголые, в грязи и тине, они были почти невидимы в пред-рассветных сумерках. Присев на корточки, диверсанты начали развязывать свои небольшие брезентовые скрутки с одеждой и оружием. В этот момент раздался резкий короткий свист. Три тени из ниоткуда метнулись к японцам, сверкнув лезвиями ножей. Трое из приплывших самураев ткнулись головами в землю, поливая её своей кровью из перерезанных глоток. Четвёртый, вышедший на берег первым, оглянулся и, увидев, что произошло, тут же выхватил нож, намереваясь полоснуть себя по животу, но раздался выстрел, и нож отлетел в сторону, а японец схватился за раненую кисть руки. Ему на голову накинули брезент и, спеленав как куклу, взвалив на чьи-то могучие плечи, понесли куда-то, переговариваясь друг с другом.

— Шо ж вы всех-то перерезали, надо было ещё кого-нибудь прихватить для разговору. Хорошо хоть этого успел зацепить, — сетовал Иван.

— Не сердись, командир, оставили самого главного, как ты и просил. Чую — важная птица. А метко ты у него нож выбил. У нас в сотне так никто бы не смог. Да пожалуй, и во всём полку. Верно, хлопцы?

— Верно, Гнат, такого выстрела мы отродясь не видали.

— Ладно, ладно, тащи своего «главного». Там посмотрим, захочет ли он вообще говорить, — вздохнул Иван.

Дальше шли молча до самого лагеря. Пройдя посты, доставили языка лично командиру полка.

— Ай любо, братцы! Ай молодцы, казачки! Всех к медалям представлю. А тебя, Иван Никанорович, к «Георгию», — радовался тот, увидев японца.

— Радые стараться! — дружно гаркнули разведчики.

— Свободны. Отдыхайте.

Казаки направились к своим палаткам. Прощаясь, Иван обнял каждого:

— Спасибо, братцы. Не подвели. Сработали как надо.

— Да брось, Иван Никанорович, подумаешь, зарезали троих. Давай лучше к нам в землянку. У нас на такой случай горилка припасена.

— Нет, братцы, увольте. Я спать. А вы идите, выпейте, если хочется. Я разрешаю. Заслужили.

На том и расстались. «Пластуны» пошли в свою сотню, Иван вернулся в свою. Умывшись, переоделся в сухое. Есть не хотелось. Перед глазами всё ещё виделось, как заливаются кровью

зарезанные японцы. Он уже убивал врагов, но только издали, из винтовки, а чтоб вот так, как «пластуны» — не доводилось. А ведь рано или поздно придётся. Это война, и если не убьёшь ты — убьют тебя. А дома ждут любимые родные. И надо вернуться. Вернуться с честью, как вернулся когда-то его отец, как возвращались его предки-Характерники. Ну что ж, он готов. Никому не будет стыдно за него ни на этом, ни на том свете.

Он уснул глубоким солдатским сном, и только слышно было, как потрескивают в маленькой чугунной печке дрова из чужого маньчжурского леса.

Утром следующего дня в землянку к Ивану пришёл его непосредственный начальник есаул Кутепов:

— Здорово, Иван, как ты тут, отдохнул?

— Здравия желаю, господин есаул. Отдохнул. Можно снова в разведку идти, — бодро ответил сотник, ожидая похвалы за вчерашнее.

Есаул нахмурился и, вздохнув, продолжил:

— А ведь и придётся. Не сказал твой япошка ни чёрта. Офицер, мать его... Или молчит как рыба, или ругается. Да так, что переводчик переводить боится. Нужен другой. Какой-нибудь трусливый. Чтоб боялся и чтоб с ним поговорить можно было.

— Вот гад, а мы уж медали примерили, — полушутя, с досадой возмутился Иван. — Ну ничего, поймаем разговорчивого. Сам пойду. Только мне бы пару слов пострашней на их языке выучить, чтоб сразу напугать психически.

— О-о-о, это я тебе обеспечу. Твой «язык» так ругается — лучше любого учителя. Попросишь нашего маньчжура, он переведёт. Ну готовься, сегодня ночью и пойдёшь. Бери с собой кого хочешь.

— Есть! А самурай-то где?

— Да вон в яме сидит. Может, обменяем потом на кого-нибудь из наших.

— Так я с ним побеседую?

— Давай-давай. Действуй.

Есаул ушёл, а Иван направился к палатке, где находился переводчик-маньчжур. Войдя внутрь, приказал молоденькому раскосому парнишке, сидевшему в углу на топчане, одетому как китаец, в просторную рубаху и штаны-балахоны:

— Ким, пошли со мной. Надо с пленным погугарить. Есаул разрешил.

Тот быстро вскочил и засеменил за сотником из палатки.

Подойдя к яме, где на соломенной подстилке сидел, поджав ноги, пойманный им японский офицер, Иван задумался: «Как же тебя разговорить?»

Пленный японец в Русско-японской войне 1904–1905 годов.

— А ну, спроси его, хочет на свободу? Если хочет, то пусть обзовёт меня самым страшным ругательством, какое у них есть.

Маньчжур произнёс несколько резких фраз по-японски, обращаясь к сидевшему в яме пленнику. Тот лишь поднял голову и молча смотрел на своих врагов. Ни один мускул не дрогнул на его лице.

— Он ничего не скажет. Он самурай. Для них лучше смерть, чем позор. А плен — это позор. Ему бы сейчас кинжал — сразу бы зарезался. Зря вы его поймали, надо было убить. Теперь, если живой останется, мстить будет.

— Ну и хрен с ним. Пусть молчит. Найдём других, не самураев.

— Они тоже не скажут. Для них лучше смерть, чем предательство.

Иван задумался. Как же быть, вот чёртовы фанатики.

— Слушай, а спроси его, за кинжал скажет?

— А что надо узнать?

— Да всё равно, хоть что-нибудь. Ну там сколько их войск на том берегу, какое у них вооружение.

Маньчжур задал вопрос. Пленник вскочил на ноги, произнёс несколько отрывистых слов.

— Сказал, если кинжал дашь, скажет.

Иван смотрел на японца. Глаза их встретились. Жгучая ненависть во взгляде врага на миг пробудила в сотнике ответную ярость. Он медленно потянул из ножен кинжал. Но в последний момент взял себя в руки, успокоился:

— Нет. Обойдётся. Да и я не возьму грех на душу, — затем резко повернулся и быстро пошёл прочь. Маньчжур было засеменил за ним, но вдруг из ямы раздался резкий выкрик. Иван замер на месте:

— Переведи, — приказал он.

— Очень нехорошие слова, вам лучше не знать.

— Переведи.

— Проклинает вас. Клянётся отомстить.

— Даже так. Ладно, пошли, обойдёмся без его помощи. Ты ж меня научишь, что им кричать при встрече? А, Кимоша-сан? — он, смеясь, потрепал маленького переводчика по голове.

— Научу, Ваня-сан, — весело отвечал тот, — обязательно научу.

Весь день Иван ломал голову, как добыть нужные командованию сведения. Наконец план созрел. Нужно подслушать, о чём японцы говорят между собой. То есть их должно быть несколько, ну хотя бы трое. Один уже есть, а двоих-то Иван уж как-нибудь да добудет. Приняв решение, Иван к вечеру собрался в рейд. С собой решил никого не брать, а исправить вчерашнюю неудачу самолично. Перед тем как уйти, зашёл в палатку к маньчжур:

— Слышь, Кимоша-сан, как будет по-японски «Сдавайтесь, а то убью нахрен!»?

— Если без «нахрен», то «Кохкэ, митава сибит э но си» — «Сдавайтесь, или всем смерть!»

— О-о-о, годится. Это я запомню. Ну всё, я пошёл. Двоих точно приведу.

Иван вышел из палатки в ночь. Глядя ему вслед, переводчик произнёс вслух сам себе:

— Совсем один пошёл. Совсем с ума сошёл.

Но сам Иван так не считал. «Раз они ходят по четверо, то двоих в расход, двоих в плен. В крайнем случае, троих в расход, одного в плен. Глядишь, за пару дней насобираю, сколько надо», — так думал наш сотник, устраиваясь поближе к воде, возле удобного, как ему казалось, для вылазки японцев места. Прележав всю ночь в укрытии, уже под утро он наконец услышал явный всплеск воды. Сотник напряжённо вглядывался в поверхность водной глади, но никаких признаков появления лазутчиков не было. Всплеск же явно усилился. И вдруг из тумана, прямо напротив места, где сидел в засаде Иван, появилась лодка средних размеров. Она сходу врезалась в берег, и из неё начали выскакивать японцы в полном вооружении, явно не шпионы, а солдаты регулярной армии. Всего шестеро. Они быстро растянулись в цепь и, примкнув штыки, готовы были вот-вот двинуться на Ивана.

— Ах мать вашу. Совсем обнаглели. Ну держитесь, гады, — удивлённо и зло произнёс сотник, взяв на прицел крайнего из них. Быстро, как когда-то на ученьях в казачьих лагерях, произвёл четыре выстрела из винтовки Мосина, оставив в живых только двоих самураев.

Те попятились к воде, испуганно озираясь по сторонам. Они явно не ожидали такого поворота событий. А из камышей, дико вопя, с выпученными глазами, на них уже бежал, держа наизготовку своё ружьё, огромный казак:

— Кохкэ, митава сибит э но си!!! — дико проорал он одним словом. И добавил уже по-русски: — На колени, собаки узкоглазые! Всех убью нахрен!!

Двое оставшихся в живых японцев пятились к воде, но винтовки не бросали. Когда до них оставалось каких-нибудь метров десять, Иван и сам остановился в изумлении.

— Вы чё, совсем сдурели от страха?! А ну кидай винтовки на землю! — закричал он, передёрнув затвор.

Но те продолжали стоять уже по колено в воде, переглядываясь между собой, как бы спрашивая друг друга: «Кто этот сумасшедший, что осмелился напасть на них?»

И вдруг за спинами перепуганных, но не желавших сдаваться японцев, из тумана, скрывавшего поверхность водной глади, появилась ещё одна лодка. Затем ещё одна, и ещё, и ещё. Много лодок с сидевшими в них японскими солдатами. Они медленно выплывали из темноты, надвигаясь на берег, где их встречал одинокий казак Иван Татаренко с винтовкой наперевес. Это было начало наступления сорокапятитысячной японской армии под руководством генерала Куроки, форсировавшей реку Ялу восемнадцатого апреля 1904 года и впоследствии нанёсшей поражение Восточному отряду Русской Маньчжурской армии под командованием генерала Засулича численностью всего лишь восемнадцать тысяч человек, среди которых находилась и сотня Ивана Никаноровича Татаренко.

Двое японцев, которых Иван намеревался взять в плен, вдруг закричали дикими головами «Банзай!!!» и бросились вперёд, держа винтовки с примкнутыми штыками наперевес. Два выстрела тут же оборвали их жизни, не дав сделать и десятка шагов.

А наш казак, продолжая отстреливаться, бросился к лагерю. Пули резали вокруг него ветки, свистели, пронося смерть у самого виска, но он бежал, думая лишь об одном — скорее предупредить своих о нападении. Наконец, достигнув первого казачьего поста, Иван закричал что было сил:

— Японцы!!! В ружьё!!! — и, добежав до палаток своей сотни, гаркнул по-командирски: — Со-о-тня, к бо-о-ю! Занять оборону! Огонь без команды!

Казаки и солдаты выскакивали из своих палаток и бежали в заранее приготовленные на случай внезапного нападения окопы, на ходу заряжая винтовки. Благодаря поднятой тревоге, враг был встречен шквальным огнём. Бой длился весь день. Но силы были слишком неравны, и постепенно японцы, обойдя наши войска с флангов, замкнули кольцо. Попад в окружение и поняв, что кроме как идти на прорыв у них другого пути нет, русские, пристегнув штыки, бросились в рукопашную. Только вперёд. Стреляй, руби, коли, стреляй, руби, коли. А иначе — смерть или плен, рабство и позор. Но не так-то просто взять русского солдата. Фанатизм оккупантов разбился о силу духа и мужество наших воинов.

Поднял свою сотню и Иван Татаренко. Засвистели казацкие сабли, прорубая путь к свободе, кромсая на куски тела японцев. И иванова шашка, не знавшая до сей поры человеческой крови, заработала как коса на поле в умелых руках косаря. Подхватив с земли ещё одну саблю, выпавшую из рук убитого казака, сотник закрутился в боевом казачьем танце своих предков-Характерников.

Из груди его вырвался клич — клич воина-мага, наводящий ужас на врага:

— Гэй-я-а-а-а!!!

Весь в крови, с адским огнём в глазах, он сеял смерть вокруг себя, не замечая полученных ран. А за ним шли его товарищи, воодушевлённые храбростью и боевым искусством своего командира. Японцы отступили, открыв нашим частям выход из окружения, что позволило отрядам генерала Засулича, среди которых была и сотня Ивана, примкнуть к основным силам Русской армии в Маньчжурии под командованием генерала Куропаткина.

Бой казаков с японцами. 1904 год.

ЯМАМОТО

В пылу боя, отбивая атаки японцев, форсировавших на рассвете реку Ялу, все забыли про пленника, сидевшего в яме. Охранявший его казак, как только услышал команду «к бою», бросился вместе со всеми в окопы. Дно ямы, служившей тюрьмой, около четырёх метров глубиной и столько же в диаметре, укрывал толстый слой соломы. Стены ямы были укреплены брёвнами, установленными вертикально по всему периметру. Тридцатилетний лейтенант Ямамото, застывший, сидя в позе лотоса, как каменное изваяние, вслушивался в приближающиеся звуки боя, забыв про раненую кисть левой руки. Потомственный самурай, он не мог простить себе того, что был взят в плен каким-то казаком. Но ещё больше Ямамото ненавидел этого казака за то, что тот не позволил ему совершить сеппуку (самоубийство), покончить с собой, чтоб смыть позор плена. Будучи опытным офицером, командиром целого диверсионного подразделения, он не мог понять, как так вышло, что его лучших солдат просто зарезали как баранов, а его самого, прошедшего войну с Китаем, лично срубившего не одну сотню голов, взяли в плен какие-то бородатые мужики и посадили в яму, как земляного червяка, не оказав никаких почестей. Он корил себя за то, что сам вдруг решил возглавить группу диверсантов, хотя и не должен был этого делать согласно своему званию. Желание проявить себя, служа императору, толкнуло его на эту глупость вопреки запрету отца, занимавшего высокий пост в японской армии.

Когда на рассвете третьего дня его плена тишину пронзили крики солдат вперемешку с ружейными выстрелами и разрывами снарядов, Ямамото понял, что у него появился шанс вернуть себе свободу. Зарывшись с головой в солому на дне ямы, он стал ждать своего часа.

Бой длился весь день. Чудесным образом ни один снаряд не угодил туда, где сидел японец, и вскоре, ближе к вечеру, Ямамото наконец услышал японскую речь и, вскочив на ноги, закричал что было сил:

— Ко мне! Ко мне! Сюда!

Над краем ямы появилось лицо японского солдата. Затем ему опустили деревянную лестницу, и Ямамото, цепляясь здоровой рукой за перекладины, выбрался наверх.

— Кто старший? Позовите командира! Быстрее!

К нему подскочил японец в мундире младшего офицера и, узнав Ямамото, вытянулся перед ним по стойке смирно:

— Унтер-офицер первого класса Занаки, — представился он.

— Что происходит? Где русские?

— Мы атакуем. Русские отступают.

— Дайте мне какое-нибудь оружие!

Занаки протянул лейтенанту свой пистолет, и тот, схватив его здоровой рукой, бросился в сторону боя, крича:

— Вперёд! За императора!

Дикая злоба и жажда мести переполняли его, а также радость, что он снова в строю. Теперь он будет осторожнее в сто раз. Да, русские не китайцы, и победить их будет не просто. Но нет в мире армии сильнее японской, как нет и солдата равного самураю — так думал японский лейтенант Ямамото, стреляя на ходу в отступающих врагов.

ИГНАТ СТЕПУРА

Кубанский казак-пластун Игнат Степура спустя два дня после наступления японцев заблудился в прибрежном лесу. Хотел порадовать своих братков-сослуживцев грибным супчиком, да местность оказалась больно путаная. Игнат не заметил, как наступила ночь. Чтоб не заплутать окончательно, решил переночевать в овражке. Много ли казаку надо — завернулся в бурку, оружие положил рядом, а коня он с собой по грибы не брал, чтоб не мешался. Вот так его и скрутили японские диверсанты, скрытно подкравшись к нему, пока он спал. Связанного доставили в штаб, обосновавшийся после боя аккурат в той самой палатке, где ещё пару дней назад Игнат со своими товарищами отдыхал, ведя задушевные беседы. Сейчас здесь находились двое. Один, сразу видно, из высокопоставленных командиров, вальяжно сидел в специально принесённом плетёном кресле, потягивая из маленькой чашечки пахучий чай. Он отрывисто, но спокойно и негромко произносил фразы, даже не глядя в сторону пленного. Внимательно слушая его, другой, как видно переводчик, зло выкрикивал вопросы, стоя прямо перед Игнатом:

— Кто ты есть?! Как тебя зовут?!

— Как, как. Казак. Игнат Степура. Запомни, если что.

— Теперь ты пленный! Веди себя хорошо, и мы тебя не убьём. Ты нам не нужен. Но мы можем тебя поменять. А пока сядешь в яму. В вашу яму, — япошка оскалил передние зубы-резцы, отчего стал похож на большую жёлтую крысу. Он что-то крикнул по-японски, и двое солдат, тут же войдя в палатку, вытолкали Игната наружу, а затем отвели к яме, где ещё недавно сидел плененный им же, Степурой, вражеский диверсант.

«Хорошо хоть не пытали, — думал Игнат, спускаясь по лестнице в яму, — даст бог, и правда поменяют на какого-нибудь япошку».

ЯМАМОТО

После боя, когда окружённые русские всё-таки прорвались и отступили далеко на север, Ямамото вернулся к реке, где теперь был расположен штаб его части. Войдя в палатку, он предстал перед тем самым высокопоставленным офицером, который командовал допросом пленного казака:

— Здравствуй, отец, я вернулся, — произнёс Ямамото, почтённо опустив голову. Его раненая рука в бинтах, пропитанных кровью, висела на перевязи через шею.

— Где твой меч?! — последовал резкий вопрос от сидевшего в плетёном кресле седого, блеснувшего стёклами очков японца.

— Меч у меня. Я не брал его в рейд.

— Почему ты жив?

— Мне не дали умереть. Но я готов это сделать сейчас.

Очкастый встал из кресла и, подойдя к Ямамото на расстояние вытянутой руки, произнёс уже не так строго, но с печалью в голосе:

— Сын мой, ты был в плену. Это позор. Об этом знаем только ты и я. Унтер-офицер и солдат, освободившие тебя из ямы, погибли сразу же, как только доложили о тебе мне, — очкастый сделал паузу, давая понять, что погибли они не случайно, затем продолжил, повысив голос: — Но ты самурай! Потомок самураев! И ты должен отомстить или умереть!

— Я отомщу!

— Иди. В яме сидит пленный. Узнай у него сам, кто виновник твоего позора. А когда узнаешь, найди этого человека и убей. Его кровью смой наш позор. А пока я не хочу тебя видеть, — сказав это, очкастый вышел из палатки.

— Я найду его. Найду и убью. Клянусь памятью предков, — прошипел Ямамото, сжав кулаки, отчего кровь закапала с бинтов на раненой руке.

ИГНАТ СТЕПУРА

Утром следующего дня к яме, где сидел Степура, подошли двое. Одним из них был лейтенант японской армии Цукиро Ямамото в новом офицерском мундире, с саблей на боку и револьвером в руке, другим — переводчик с крысиной мордочкой, что допрашивал Игната накануне.

— Эй, русский, вылезай! — крикнул, наклонившись над ямой, переводчик.

Со связанными за спиной руками Игнат кое-как поднялся по заранее спущенной ему лестнице.

— Это господин Ямамото, — продолжил человек-крыса, поклонившись в сторону своего начальника. — Он будет говорить с тобой. Иди вперёд — в лес.

— А чё в лес? Можно и здесь погутарить, — как ни в чём не бывало поинтересовался Игнат.

— Иди! — переводчик зло толкнул связанного казака в спину.

— Но-но, усохни, крыса. Сам пойду, — Игнат слегка качнулся в сторону обидчика, тот отскочил, доставая пистолет. Ямамото тут же выхватил свой меч-катану и приставил его к шее казака. Игнат закрыл глаза, готовясь к смерти, но всё же твёрдым голосом произнёс:

— Хотите кончить, так и скажите, а толкать не смей.

Немного подождав, Ямамото убрал катану в ножны и тут же произнёс несколько отрывистых фраз, обращаясь к «крысе». Почтительно выслушав начальника, тот перевёл:

— Ты нравишься господину лейтенанту. Ты смелый солдат. Правда, попал в плен. Ну что ж, с кем не бывает? Господин лейтенант обещает сохранить тебе жизнь, если ты ответишь на один его вопрос.

— Смотря какой вопрос. Может, и отвечу.

— Иди в лес, не бойся. Там ответишь. А не ответишь — твоя голова с плеч долой.

Степура нехотя, вразвалку, направился в сторону леса. Японцы шли сзади. Один держал наготове пистолет, другой — самурайский меч-катану. Наконец, войдя в тень деревьев, Игнат остановился:

— Спрашивай, чё хотел. Если не военная тайна, отвечу.

Ямамото что-то долго говорил переводчику, прежде чем тот вновь обратился к пленнику.

— Господин лейтенант помнит тебя. Это ты и ещё трое таких же, как ты, подло убили его солдат, перерезав им горло. Если ты скажешь имя того, кто выстрелом выбил из рук господина лейтенанта кинжал, то он пощадит тебя и даже отпустит на все четыре стороны.

— А-а-а, так это мы тебя тогда тащили, — Игнат повернулся к Ямамото. — Понятно. Ну что ж, тайны тут никакой нет. Наоборот, можешь всем рассказать, что взяли тебя казаки Ивана Татаренко. Пусть знают, кого бояться.

Лицо японского лейтенанта, доселе неподвижное, перекосила гримаса злости. Подняв меч, он вновь коснулся им шеи казака и держал так, готовый срубить ему голову, несмотря на своё обещание. Кровь тонкой струйкой стекала на грудь Игната, но он презрительно улыбался, глядя на японца. Наконец тот опустил меч и, произнеся несколько фраз в сторону переводчика, пошёл обратно к лагерю.

— Ты смелый солдат. Господин лейтенант, как и обещал, дарит тебе жизнь. Иди к своему командиру и скажи, что они в расчёте. Лейтенант подарил твою жизнь за свою. Но теперь он найдёт твоего командира Ивана Татаренко и убьёт его в честном бою, как самурай, где бы он ни был.

Переводчик побежал вслед за своим господином, оставив Игната стоять связанным на краю леса.

— Вон оно чё-е-е... — протянул Степура, выдохнув воздух из окаменевшей от напряжения груди. — Теперь понятно, чего ты хочешь. Ну что ж, передам.

Пригнувшись, со связанными за спиной руками, он быстро углубился в лес, где ему — казаку-пластуну — сам чёрт был не брат, и, уже к вечеру, развязав по дороге руки, незаметно обойдя все японские посты, вернувшись в расположение наших войск, рассказывал Ивану Никаноровичу Татаренко о своих злоключениях и о злом самурае, поклявшемся отомстить за свой позор.

Выслушав «пластуну», сотник задумался: «Как быть? Плюнуть на угрозы японца или принять встречные меры». Холодный ум командира говорил ему, что не стоит обращать большого внимания на угрозы какого-то одного фанатика, когда тысячи людей гибнут кругом, а он, сотник Иван Татаренко, в ответе за жизни своих подчинённых, своих товарищей по оружию. Но сердце казака, потомка Характерников, не хотело смириться. Гордость воина, ненависть к захватчикам, наконец, авторитет командира — всё требовало немедленных ответных действий с его стороны.

Помолчав минуту, он хмуро произнёс, глядя в одну точку мимо «пластуна»:

— Пойдёшь обратно. Передашь этому гаду вызов. Пусть сам назначает место и время. Я приду один. Смогёшь?

Немного опешив от такого вопроса, но затем браво расправив плечи и выпятив грудь, Степура воскликнул:

— Да запросто! — затем, слегка понизив голос, добавил с ухмылкой: — Иван Никанорович, а может, мы его ещё разок в плен возьмём, чтоб не зазнавался? Вот смеху-то будет.

— Да нет, не нужен он нам. Но «успокоить» его надо. А то ведь начнёт на наших пленных отыгрываться. Не зря же он сказал, что ничего теперь мне не должен.

— Хрен с ним. А можно я с собою Грицко возьму для верности. Мы с ним из одной станицы.

— Нет, Игнат. Никто, кроме нас с тобой, про это дело знать не должен. Только не попадись опять, иначе уже мне придётся идти тебя выручать.

— Да ну. То ж я приснул малость, а они и рады — набросились на сонного. Теперь другое дело. Пройду так, что никто и не почувствует. Найду этого Ямамото. Знаю, где искать. Только ты, командир, ему письмо напиши. Я письмо передам, а его переводчик, крыса жёлтая, ему же и переведёт. Ну и ответа дождусь. Да всё будет нормально. Как там по-японски «стой»? «Мацэ»?

— «Мацэ, мацэ». Ну иди собирайся. Я пока письмо напишу.

Игнат ушёл к себе в палатку, а Иван, присев на поваленное взрывом дерево, достал огрызок карандаша и написал крупными печатными буквами на клочке курительной бумаги: «Не ищи меня. Назначь встречу. Приду сам, один». Затем он свернул бумагу трубочкой и обмотал бечевой, заменявшей в походе нитки. Получился свиток. «Ну вот. Теперь слово за тобой, господин Ямамото. Не захотел ты сам себя прикончить — придётся тебе помочь».

Ближе к ночи, провожая Игната в опасный путь, Иван приобнял его:

— Только вернись. Как брата прошу.

— Не бойсь, командир, сделаю всё как надо и домой.

Сказав это, «пластун» растворился в темноте маньчжурского леса.

Ямамото сидел в своей палатке, пытаясь успокоить нервы то зелёным китайским чаем, то японским саке. Прошло уже три дня с момента его освобождения из плена, но злость и обида на самого себя только усилились. Уж лучше бы тот казак убил его или бросил бы ему кинжал для харакири. Хорошо, что офицер и солдат, освободившие его из ямы, погибли. Теперь о его позоре знал только отец. Но легче от этого не становилось. Честь Ямамото-самурая была поругана каким-то дикарём. Ну что ж, он найдёт его, где бы тот ни спрятался.

Выйдя из палатки, лейтенант, чтоб как-то отвлечься, пошёл проверить посты. Уже на обратном пути он отчётливо слышал из темноты ночного леса:

— Ямамото. Ямамото-о-о. Мацэ.

Лейтенант замер на месте, не веря своим ушам. Это был голос того русского, которого он отпустил вчера. Прямо под нос японцу из темноты сунули бумажный свиток. На миг показалось лицо казака. Громким шёпотом тот произнёс:

— Табе пакет. Иди читай. Ответ принесёшь сюда, — он красноречиво ткнул пальцем в землю, — я буду ждать.

Схватившийся было за пистолет Ямамото наконец понял, чего от него хотят, и, взяв из рук казака свиток, быстро пошёл к палатке переводчика. Тот не спал и, переведя содержание письма, вопросительно уставился на лейтенанта.

— Пиши на обратной стороне, — приказал Ямамото. — Встреча послезавтра в полдень на Малой горе, — он улыбался. Русский сам шёл к нему в руки. Малая гора — один из двух холмов, разделяющих воюющие стороны, — была хорошо видна отовсюду. Послезавтра он пойдёт на неё и отрубит голову своему обидчику. Эту голову он принесёт своему отцу как доказательство того, что честь фамилии Ямамото восстановлена.

Схватив свиток, самурай вновь вернулся на то место, где встретил нашего Игната. Тот появился из темноты так же неожиданно, как и в первый раз, и, выхватив из рук японца послание, вновь растворился в ночной мгле. Постояв некоторое время в замешательстве, Ямамото медленно побрёл к своей палатке. Войдя в неё, он спокойно разделся, с аппетитом поужинал своими любимыми суши, затем выкурил английскую сигару и в полном удовлетворении лёг и уснул глубоким сном человека, уверенного в себе и в своём ближайшем будущем.

ПОЕДИНОК

Дождавшись возвращения Игната, Иван прочитал ответ японца, после чего сходил к привязи, где стоял его конь, и принёс в палатку кожаную скрутку, из которой достал две старинные казацкие сабли. Они были в отличном состоянии, не раз проверенные в бою его дедом и отцом. Изогнутые на конце лезвия сверкнули заточенной как бритва сталью, едва Иван извлёк их из ножен. Добытые в бою с поляками почти сто лет назад, они верой и правдой служили роду Татаренко. Польские, турецкие, а теперь и японские захватчики уже узнали магическую силу этого оружия, когда оно находится в руках настоящего воина — воина-мага, воина-Характерника.

Осмотрев сабли, сотник приложился к ним губами, потом коснулся ими головы и, взяв в каждую руку по сабле, скрестив перед собой, произнёс одному ему известную молитву, начитанную ему ещё дедом Иваном. Это было заклинание, передававшееся из поколения в поколение из глубины веков ещё от волхвов, пришедших когда-то из древней Руси в Дикое Поле будущей Запорожской Сечи.

Затем, поместив сабли обратно в ножны, Иван вновь уложил их в скрутку. Завтра ему предстоял смертный бой с опытным противником. Но он уже познал силу духа Характерников. Он накажет надменного злобного японца, считающего себя непобедимым. А пока нужно отдохнуть перед поединком. Нельзя недооценивать самурая, имеющего большой военный опыт.

Утром, прежде чем отправиться на Малую горку, Иван дал наказ Игнату:

— Смотри, никому ни слова. Если к вечеру не вернусь, поедешь за мной, заберёшь что останется.

— Да брось, командир. Шо за шутки? Возьми меня с собой. Вдруг этот гад не один придёт. А я тихэнько в кусточках посижу, да за вами погляжу. Если что, подмогну тебе трохи.

— Нет, нет, нельзя. Я сказал буду один, значит один.

Опустив глаза, Игнат обиженно проямлил:

— Ну шо ж, нельзя так нельзя.

— Бывай покудова, — Иван дружески хлопнул его по плечу. — Авось вечером увидимся.

Сказав это, сотник лихо вскочил на коня и скрылся в утреннем тумане.

Этим же утром Цукиро Ямамото, стоя перед зеркалом в своей палатке, любовался собой, держа в руках доставшийся ему от деда самурайский меч-катану, изготовленный сто лет назад одним из лучших мастеров Японии из клана Саматоши. Кузнецы этого клана на протяжении восьмисот лет создавали свои чудо-мечи, крепость которых в несколько раз превосходила любое холодное оружие Европы. Сразу после изготовления мечи Саматоши опробовали на живых людях — на преступниках. Кому-то отрубили руку, кому-то голову, но особо ценилось разрубить человека пополам с одного удара — только тогда меч считался полностью готовым к применению. В недавней войне с Китаем Ямамото лично срубил сотню голов. Правда, это были в основном гражданские — крестьяне, ремесленники и члены их семей. Но для японского лейтенанта это были не люди, а существа, которых следовало уничтожать, и чем больше, тем лучше, захватывая их земли для увеличения жизненного пространства маленькой Японии. На задней поверхности лезвия катаны имелись множественные зазубрины, оставленные ударами других, вражеских мечей и сабель, что говорило об участии бывших его владельцев во многих настоящих смертельных схватках. Но с появлением эффективного огнестрельного оружия всё больше предпочтение отдавалось винтовкам и пистолетам, даже в ближнем бою. Поэтому сам Ямамото, хоть и был потомком древнего самурайского рода, но уже не обладал таким искусством владения мечом, как его предшественники-родственники. К тому же ещё болела рука, задетая пулей казацкого сотника. Он приказал часовому позвать к нему переводчика. Когда тот, блеснув очками, вошёл в палатку, Ямамото, не глядя на него, приказал:

— Пойдёшь со мной. Возьми винтовку. Заляжешь в кустах. Если что, убьёшь русского.

— Слушаюсь, Ямамото-сан, — немного помолчав, человек-крыса спросил: — Может, сразу?

— Нет. Хочу сам срубить ему голову. Стреляй только в крайнем случае, по обстоятельствам.

— Как прикажете.

— Всё. Пойдём, — и, резко повернувшись, Ямамото решительно вышел из палатки.

Переводчик, стоя в почтительном поклоне, пропустил лейтенанта вперёд, затем засеменил за ним следом на расстоянии пяти шагов.

Тёплый майский ветерок чуть покачивал маньчжурские сосны на Малой горе. К полудню назначенного дня Иван добрался до вершины, где самой природой была создана поляна, на которой должен был состояться поединок. Ждать пришлось недолго. Ямамото появился из чащи, молча снял китель и бросил его на траву, оставшись в белой как снег рубахе. Вынув из ножен катану, он начал медленно двигаться по кругу. Лицо японца с узкими, как две черты, глазами казалось окаменевшим. Боевая стойка на чуть согнутых ногах и выставленный вперёд меч, который он держал двумя руками, говорили о его готовности биться. Иван, сняв форменную рубаху, оголил могучий торс. Держа в каждой руке по сабле, он скрестил их перед собой и медленно поворачивался на месте лицом к японцу.

Первым удар нанёс Ямамото. Он сразу вложил в него всю силу, пытаясь ошеломить соперника, но казак с лёгкостью ушёл в сторону. Самурай, подумав, что русский боится, бросился вперёд, часто нанося рубящие удары. Но все они были в пустоту. Иван, зная, что японская сталь намного крепче той, из которой выкованы его сабли, старался уйти из-под ударов катаны, одновременно выматывая бросавшегося на него в бессильной ярости японца. Это ему удалось, и вскоре противник начал слабеть. К тому же давала о себе знать раненая рука японца. Он стал медленно отходить к краю поляны, где притаился его помощник, заранее спрятавшийся в кустах с винтовкой, готовый выстрелить в русского в любой момент. Вот уже и само место засады, но выстрела нет. «Да что же он не стреляет», — подумал теряющий силы Ямамото.

Вдруг Иван, зажав в клещи между саблями самурайский меч, рванул его на себя. Тот, пролетев в воздухе добрый десяток метров, воткнулся в землю за его спиной. Обезоруженный Ямамото в растерянности медленно отступал к месту, где должен был находиться в засаде его переводчик. Наконец он обернулся и увидел его... лежащего с перерезанным горлом. Рядом с трупом сидел тот самый казак, которого Ямамото отпустил из плена. Казак виновато улыбался, пожимая плечами, вытирая о мундир убитого им японца свой кинжал.

Ещё не поняв до конца, что произошло, потомок самураев лейтенант японской армии Цукиро Ямамото сначала ускорил шаги, а затем, повернувшись к Ивану спиной, бросился бежать, перепрыгнув через труп переводчика и едва не сбив с ног опешившего Игната. Тот поправил папаху и проводил беглеца залихватским свистом, до сих пор не слыханным в этих местах. Только перепуганные птицы шумно вспорхнули над деревьями, да лесное зверьё шарахнулось кто куда, подальше от людей, затеявших здесь войну. А непонятный ужас всё гнал и гнал потомка самураев от этого проклятого места, от этих проклятых русских, опозоривших его дважды. Теперь он не будет делать себе харакири, пока не отомстит, чего бы это ему ни стоило, пусть даже на это уйдёт вся жизнь...

Когда Ямамото, ломая ветки и кусты, наконец скрылся в чаще, Иван удивлённо уставился на «пластуна»:

— Ты откель взялся, рыжий чёрт? Я ж тебе приказал дома сидеть?

— Звиняйте, ваш бродь, не мог я вас одного отпустить. Шут их знает, этих узкоглазых, на чё они способны?

Подойдя к Игнату, Иван положил ему руку на плечо:

— Ну раз так, мы теперь с тобой братья навек. Никуда тебя не отпущу. Вместе будем до конца.

— Добро, Иван Никанорович. Ведь если подумать, я вам тоже жизнью обязан. Японец-то меня из плена к вам послал. Вот я и живой. А вот мы его зря не кокнули. Чует моё сердце, увидимся с ним ещё.

— Да хрен с ним, с этим японцем. Меч его себе забирай. Это тебе подарок от меня. Представил бы я тебя к награде, да не могу, поскольку операция наша с тобой секретная, и никто о ней знать не должен.

— Не надо награды, Иван Никанорович. Не ради неё я за тобой пошёл, а потому пошёл, что наш ты человек и любят тебя казаки за отношение твоё к простому солдату, за то что не давал ты труса в смертельном бою и делишь с нами все тяготы службы на войне. А за меч спасибо. Я его после войны продам. Небось немало денег стоит. Глядишь, и на свадьбу с какой-нибудь красавицей хватит.

— Конечно хватит. А не хватит — я добавлю.

К ночи они вернулись в расположение своей части. Иван пошёл проверять посты, Игнат же, встретившись с земляками, не удержался, чтоб не похвастаться трофеем. Со временем рассказал он и про поединок с японцем. Есаул, случайно узнав об их приключении, вызвал сотника Татаренко к себе на допрос, и тот без утайки рассказал всё как было.

— Ты сильно рисковал. А вдруг бы это была ловушка? — хмурился пожилой есаул. — Скажи спасибо своему новому ординарцу. Как его?

— Игнат Степура. «Пластун» с Кубани. Мы с ним теперь как братья.

— Все мы тут братья, но дисциплина в армии — превыше всего. Что теперь прикажешь с вами делать?

— Виноват! Больше не повторится, только Степура ни при чём, — Иван стоял навывтяжку, готовый ко всему, но только не к тому, что последовало дальше.

После долгой паузы седой есаул, повернувшись к сотнику, строго произнёс:

— За самовольство и за отлучку из части — тебе строжайший выговор с предупреждением.

— Есть выговор!

— А за то, что честь казацкую не уронил, за то что на реке Ялу тревогу вовремя поднял, за храбрость твою и умение биться, нанося противнику большой урон — Крест Георгиевский. Любо, казак! Порадовал ты меня. Иди с богом.

Не ожидавший такого поворота Иван, вытянувшись ещё больше, гаркнул:

— Рад стараться! — затем, немного смутившись, спросил: — А как же Степура, господин есаул?

— Ему тоже «Георгия». За твоё спасение, — и, вспомнив, добавил: — ну и выговор, конечно.

— Благодарю. Рады стараться!

— Это я вас благодарю. Служите, молодцы. Впереди ещё сражения. Японцы высадили в Корею дополнительные силы. Они движутся сюда. Так что предстоит большая драка.

Выйдя из палатки есаула, Иван пошёл, чтоб обрадовать Игната, но одна мысль всё же не покидала его: «Угрозидило же меня опять упустить этого япошку. Как бы не пришлось с ним снова встретиться».

Слова его оказались пророческими. Они действительно встретились через много лет. Встретились как смертельные враги, но уже на другой войне — России и Германии.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В январе 1905 года нашими войсками был сдан Порт-Артур. За время его героической осады японцы потеряли 110 тысяч убитыми и ранеными. Наш гарнизон, состоявший из 48 тысяч человек, включая экипажи моряков стоявших на рейде судов, понёс потери в количестве 18 тысяч.

Генерал Стессель, испугавшись уничтожения крепости японскими орудиями с превосходящих высот, подписал капитуляцию, предварительно приказав затопить оставшиеся корабли, за что впоследствии в Петербурге был осуждён и приговорён к смертной казни, но помилован Николаем Вторым.

К этому времени, после кровавого сражения при Ляояне (китайский городок), состоявшегося ещё в августе 1904 года, где обе стороны понесли одинаково большие потери, генерал Куропаткин отвёл войска к реке Шахэ, куда впоследствии на помощь японцам подошла их армия с юга, освободившаяся после осады Порт-Артура. В сентябре на реке Шахэ состоялась ещё одна битва. Потери со стороны японцев составили 30 тысяч человек, с нашей — 40 тысяч. После этого Куропаткин опять отвёл войска, уже к городу Мукдену, где наши войска стояли аж до февраля 1905 года. В январе же этого года в России началась Первая революция. В Петербурге расстреляли шествие народа к царю. По всей стране шли стачки и вооружённые бои рабочих с полицией. Крестьянские бунты охватили все губернии Российской империи. И вот, наконец, в феврале 1905 года состоялось самое крупное сухопутное сражение Русско-японской войны — Мукденское. Со стороны Японии выступало 270 тысяч человек, со стороны русских — 280 тысяч. В ходе сражения потери составили 72 тысячи японских солдат и более 90 тысяч русских, после чего наши войска отошли на хорошо укреплённые позиции Сыпингайских высот, где и держались уже до конца войны.

В мае 1905 года, после разгрома нашей эскадры в Цусимском проливе, обе армии, истощённые большими потерями, перешли к позиционным боям, и в конце концов, в сентябре 1905 года, обе стороны заключили мирный договор. Корея, часть острова Сахалин, Порт-Артур и контроль над Китайской Восточной железной дорогой (КВЖД) в Маньчжурии достались Японии. Помимо всего прочего, Россия выплатила ей 150 миллионов рублей золотом за содержание своих военнопленных. Сама ничего не получив, потеряла всё же минимум владений на Дальнем Востоке благодаря отставному министру внешней политики Витте. Умело проведённые им переговоры с японцами минимизировали наш ущерб от практически проигранной войны. Израненные, прошедшие пекло боёв русские солдаты возвращались домой, где их ждала непонятная им революция, взорвавшая Россию изнутри.

Казаки Второй сотни Второго Оренбургского полка. В центре — Иван Никанорович Татаренко, сотник. Госпиталь, Мукден, Маньчжурия, 1905 год.

Возвращался домой и Иван Татаренко. Довелось ему поучаствовать во многих сражениях. Много раз ходил он в разведку со своими казаками. И везде рядом с ним безотлучно был его ординарец и друг, кубанский казак Игнат Степура. Уже не раз стояли они спина к спине в рукопашных схватках. Уже по два «Георгия» блестели у каждого на груди, не считая медалей. Трёх коней потерял каждый убитыми за время войны. И вот наконец железный конь — паровоз — несёт их домой через бескрайние сибирские просторы, оглашая окрестности рёвом гудков, черня дымом голубое небо.

— Вот же чёрт, — вздыхал Иван, стоя у открытого проёма створки товарного вагона, дымя самокруткой, наблюдая за пролетавшими мимо речушками, сопками и таёжными кедрами матушки Сибири. — Почитай, три месяца ни весточки от домашних.

— Ничего, ничего. Не журись, командир. Ты теперь есаул. Как нагрянешь домой, вот радости-то будет, — успокаивал друга Игнат. — А вот у меня никого. Сам себе и голова, и ноги, и живот.

— Да молод ты ещё. Тебе сколько лет-то?

— Да уж четверть века прожил.

— Фу ты ну ты. Юноша!

— Юноша не юноша, а повидали мы с тобой. И кровушки немало пролили. И своей, и чужой. А пока мы воевали за царя нашего батюшку, в России большая смута поднялась. Слыхал? Революция. Народ бунтует. Войну считай проиграли. В деревнях разор. На заводах — стачки. Мы на краю света жизни кладём за древесину маньчжурскую да за рыбу морскую, чтоб богатеи мошну свою набивали, а приедем домой — пошлют народ нагайками стегать.

— Тише ты. Я смотрю, ты последнее время сильно властью возмущаешься. Болтаешь лишнее. Ой смотри, Игнат, доведёт тебя твой язык до цугундера, али ещё до чего похуже.

— Да я что? Я ничего. Только обидно мне, Иван Никанорович, что такие, как мы с тобой, и пашут, и воют, и сами себя погоняют, а толстые дяди пузо набивают и за людей нас не считают.

— У нас с тобой служба. Мы присягу дали. И хватит об этом. Давай спать. Утром мои края начнутся. В гости ко мне заедешь? Глядишь, женим тебя. Девки у нас цепкие. Схватят — не отпустят.

— Не-е-е, командир. Я ещё погулять хочу. Годков так десять-пятнадцать. До твоих лет.

— Да у меня уж трое, дурья голова. Я как раз в твои года и женился.

— Не-е-е. Я ещё погляжу, что в мире деется. А там видно будет.

Казачи устроились спать на соломенных подстилках, думая кто о предстоящих встречах, кто о тревожном будущем, а поезд всё выстукивал колёсами, как будто знал об испытаниях, что ждали наших героев впереди: «Ну-ну, ну-ну. Ну-ну».

Не зря беспокоился Иван, думая о семье. Не зря ныло его сердце в предчувствии беды.

Ровно за три месяца до того дня, как они с Игнатом отправились в обратную дорогу домой, крестьянские волнения достигли поместья Куриловых. В то июньское утро толпа разъярённых, озлобленных на весь белый свет мужиков, подстрекаемых тремя неизвестно откуда взявшимися чужаками, окружила поместье Куриловых.

— Долой богатеев! Пора им с нами поделиться! А ну, мужики, на вилы их! На вилы! — кричал чернявый мужичонка с кольцом в левом ухе.

— Бей их! Всех под корень! Ишь разжирили на нашем горбу! — вторили ему двое других его товарищей, потрясая топорами.

Толпа медленно приближалась к дому, где укрылись все Куриловы и Марьяна с детьми. Когда оставалось пройти метров тридцать, все вдруг остановились. Перед ними, подняв вверх руки, стояла жена ушедшего на войну сотника Ивана Татаренко. Это была Настя.

— Люди, опомнитесь! Что вы делаете?! — закричала она. — Не трогайте их! Они никому не причинили зла! Оставьте их! Расходитесь по домам! Не слушайте этих пришлых!

Чернявый вдруг выхватил из-за пазухи наган:

— Ах ты, зараза! За богатеев заступаешься! Все они кровососы! И ты с ними заодно! — проорал он с пеной у рта и, прицелившись, выстрелил.

Пуля попала Насте прямо в сердце. Она медленно опустилась на траву.

— За мной, братва! — продолжал орать низкорослый, рванувшись к крыльцу дома. — Круши гадов! Бей жидов, спасай Россию! — это был клич черносотенцев, бандитов, прикрывавших свои кровавые налёты политическими лозунгами.

И тут из окон второго этажа грянули сразу три оружейных выстрела, слившись в один залп. Двое из черносотенцев упали замертво. Стреляли старый помещик Алексей Митрофанович, его сын Александр Алексеевич и Марьяна, успевшие забаррикадироваться в доме. Увидев смерть Насти, они открыли огонь по зачинщикам бунта, но чернявый главарь всё же успел бросить зажжённый факел под входные двери усадьбы, прежде чем упал с простреленной головой после второго выстрела Марьяны. Огонь полз вверх по стенам, окутывая подходы к дому чёрным дымом. Несмотря на смерть трёх зачинщиков бунта, толпа мужиков, среди которых было много пьяных и пришлых, по-прежнему пыталась приблизиться к дому.

— Марьяна, уводи детей и мамашу! Мы их задержим! — прокричал жене Александр Алексеевич, продолжая отпугивать нападавших выстрелами.

— Нет, я вас не брошу!

— Уводи! Сейчас весь дом загорится! — и уже тише, приобняв её за плечи: — Умоляю, спасай детей. Беги на хутор, к Иванову дому. Там вас не тронут. А мы позднее подойдём. Правда, отец? — повернулся он к Алексею Митрофановичу.

— Конечно, конечно. Беги, дочка, спасай внуков. И старуху мою захвати. А мы потом придём.

Марьяна, медленно отставив ружьё к стене, глядя мужу в глаза, произнесла:

— Прощай, Алёша. Чует моё сердце, не увидимся больше.

— Да бог с тобой, Марьянушка. Не бойся за нас. Ну что ты? — он крепко обнял её и, поцеловав в губы, приказал: — Иди. Спасай детей. Скорее.

Марьяна бросилась к дальней комнате, где находились её трое детей и свекровь. Вместе они спустились на первый этаж, в торце дома, к единственному ещё не объятому огнём окну. Наталья Николаевна помогла невестке с внуками выбраться наружу, но сама осталась внутри горящего дома, успев крикнуть:

— Беги, милая! Спасай детей!

— А вы, мама?! Как же вы?!

— Я к Алексею Митрофановичу и Сашеньке! Прощай, Марьяночка! Береги внуков!

Она широко перекрестила их и пошла наверх, откуда раздавались выстрелы. Марьяна с детьми побежала к лесу. Наконец, оказавшись среди деревьев, они оглянулись назад. Вся усадьба и дом пылали в огне. И из этого огня уже не суждено было спастись никому...

Сойдя с поезда в Николаевской, Иван попрощался со своим другом:

— Прощевай, Игнат. Даст бог, увидимся ещё в этой жизни. Тебе на Кубань, а я уж приехал. Скорее всего, уйду в отставку. Буду крестьянствовать.

— Да брось, Иван Никанорович, ты ж казак, да не простой. Твоё дело — служба. Опять же молодняк обучать надо.

— Возраст у меня, Игнаша. И ран многовато накопилось. Теперь точно в запас спишут. А у тебя вся жизнь впереди. Может, письмишко когда черкнёшь.

— Да я не грамотный. Но я выучусь, командир, слово даю.

— Давай, давай, ты парень смыслённый. Давай что ли обнимемся по-братски.

Они крепко обнялись, как обнимаются родные люди. Иван вскочил на коня и сразу, пустив его в галоп, вскоре скрылся в облаке дорожной пыли. Игнат остался стоять, глядя ему вслед, подумав про себя: «Где б я ни был, буду помнить тебя, командир».

Весь путь от станции до родной станицы сердце есаула сжимали клещи тревоги. Почему ни Алёна, ни мать не писали ему целых три месяца? Хорошо, если почта виновата. А вдруг эта самая революция вмешалась в их жизнь? Вдруг опалила огнём их покой, пока он воевал?

Доскакав до поворота, где была усадьба Куриловых, он взгляделся в утренний туман, пытаясь найти знакомые очертания помещичьего дома. Но что это? На холме, где раньше красовался двухэтажный особняк с колоннами, теперь торчали обгоревшие руины, да стаи вороны изредка оглашали своим зловещим криком округу.

Пришпорив коня, есаул помчался к отчему дому. Кровь стучала в висках, зубы скрежетами от ярости. Кто посмел это сделать? Что с его семьёй? Живы ли?

Вихрем ворвавшись на хутор, он наконец увидел, что его дом стоит как раньше, цел и невредим. Возле крыльца Иван соскочил с коня и бросился внутрь. С силой распахнул дверь в сени, затем в горницу... В грудь ему упёрлись острые зубья крестьянских вил. Иван замер на месте. Перед ним, держа наперевес своё оружие, стояла Марьяна. Позади неё, сбившись вместе в дальнем углу хаты, испуганно глядели несколько пар детских глаз. Старушка мать закрывала собой шестерых подростков. Так стояли они несколько мгновений, поражённые неожиданной встречей. Марьяна медленно опустила вилы, а затем вдруг упала, потеряв сознание, прямо на руки едва успевшего подхватить её Ивана.

Конец второй части.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Прошло девять лет со дня возвращения Ивана Никаноровича Татаренко с Русско-японской войны. Судьба вновь свела его с Марьяной. Никогда не угасавший уголёк любви опять вспыхнул жарким пламенем в его груди. Да и сама Марьяна как будто заново увидела своего «жениха из детства». Это был уже не тот юноша-сорвиголова, но настоящий взрослый мужчина, прошедший пламя войны, давно познавший семейную жизнь, готовый защитить своих любимых и заботиться о них как глава семейства. Теперь и она по-настоящему влюбилась в него. Как своих приняла его детей. Любовь и общее горе объединили всех в одну большую семью. Постаревшая мать Ивана по-прежнему была рядом, следила за внуками, помогала по хозяйству.

Тем временем начавшаяся в России Столыпинская аграрная реформа позволила крестьянам выходить из общин с сохранением за собой соответствующего количеству членов семьи земельного участка. Иван и Марьяна взяли в аренду с правом выкупа большой плодородный участок. Куриловские же земли продали, а на вырученные от продажи деньги отправили троих старших детей Марьяны на учёбу в Петербург, под покровительство родственников покойной бабушки-дворянки Натальи Николаевны Куриловой. Спустя пять лет обе дочери Марьяны от первого брака вышли замуж и уехали жить за границу. Оставшийся жить в Петербурге младший сын Сергей продолжил работать при университете, занявшись научной деятельностью. Трое сыновей Ивана и погибшей от рук бандитов Настены помогали отцу в работе на земле, одновременно бывая в казачьих лагерях, обучаясь казачьему военному искусству.

Два урожайных года (1909 и 1910) позволили новой семье Татаренко стать довольно зажиточными хозяевами. Имея четырёх коней и всю амуницию, и отец, и сыновья готовы были в любой момент выступить в поход «за царя и Отечество», как предписывал им устав казачьего войска. И этот день наступил. Грянула война 1914 года с Германией и Австро-Венгрией.

Близнецы Пётр и Никита, а с ними и младший Василий, уже на второй день после мобилизации отбыли в действующую армию. Ивана же пока не призывали, учитывая его пожилую возраст, что сильно его возмущало как героя-орденоносца:

— Не могу я здесь сидеть, когда сыновья мои на войне кровь проливают, — возмущённо кричал он, выхаживая по горнице из угла в угол. — Не успел я их доучить, как с настоящим врагом воевать. Мало у меня было времени, всё хозяйство да хозяйство. Надо мне к ним идти — помогать и оберегать.

— Куда ты собрался? Тебе уж пятьдесят скоро, — пыталась урезонить его Марьяна.

— Не пятьдесят, а сорок пять. К тому же отец мой и дед были Характерниками. Нас ни пуля, ни штык не берёт. Я к хлопцам сбегая, подмогну чуток и назад, соскучиться не успеешь.

— Молодец! А как же мы с матушкой?

— А что вы? У вас всё есть. Сидите, нас с победой дожидайтесь. К тому же, я слышал в управе, семьям, у кого мужики на войне, за каждого воюющего по пять мешков зерна обещают ежегодно выдавать, — и, увидев, как нахмурилась Марьяна, тут же быстро добавил: — Да ты не волнуйся, я не думаю, чтоб эта канитель надолго затянулась, ну от силы полгода-год.

Тут в разговор вступила мать Ивана. Тихо вздохнув, она произнесла, обращаясь к Марьяне:

— Пусть идёт. Глядишь, и вправду поможет нашим деткам. А мы будем бога молить, чтоб вернулись живыми и здоровыми. Всё равно не удержим. Это у них в крови — слабых защищать, врагов побеждать.

— Слыхала, что мать говорит, — подхватил Иван, — тебя ж батяня тоже с войны привёз. А не поехал бы он Болгарию от басурман спасать, так и не встретились бы мы с тобой никогда.

Он нежно обнял жену и ласково добавил:

— Не бойся, душа моя. Всё будет хорошо. Я ненадолго. Присмотрю за ребятами, а как возможность появится, сразу же назад.

Марьяна смотрела на него снизу вверх полными слёз глазами:

— Обещай беречься, не лезть на рожон.

— Да что ж я, дурной, под пули лезть? Я в обозе пристроюсь и буду за всеми тихонько наблюдать. А тебе фотокарточку пришлю, чтоб не забывала, какой я есть герой.

Улыбаясь, он поцеловал её в мокрые от слёз глаза:

— Ну хватит плакать, давай собираться, а то так и война без меня закончится.

Через два дня Иван Никанорович Татаренко, назначенный возницей в обоз, уже ехал на поезде на запад, на войну с германцами. А когда-то его отец, казак Никанор Иванович Татаренко, скакал в том же направлении в рядах своей сотни, чтоб избавить от уничтожения басурманами братские славянские народы на Балканах. Только война тогда была совсем другая. Не было аэропланов с бомбами, не было бронированных чудовищ-танков. На морях не царили подводные лодки. Теперь же люди придумали много новых способов убивать друг друга. Немцы травили противника газами, поливали свинцовым дождём из пулемётов. Людские потери были огромны и, как мы знаем, к концу войны составили уже не сотни тысяч, а миллионы с каждой стороны.

Лёжа на деревянной полке в товарном солдатском вагоне, Иван вспоминал под стук вагонных колёс, как, прощаясь на вокзале, Марьяна шепнула ему:

— Вернись, мы будем ждать тебя, — и, отвечая на немой вопрос мужа, закончила: — я и сын.

Иван тогда огорошенно уставился на жену.

— Тяжёлая я, Ваня. Сын у нас будет.

— Как сын? Что ж ты молчала? Марьянушка, любимая моя, счастье-то какое!

Взяв в ладони, он покрыв поцелуями её лицо.

— Я вернусь! Я обязательно вернусь! Ничего не бойся! Береги дитя.

В эту минуту Иван был счастлив. Наконец-то, через столько лет, бог посылал им с Марьяной общего ребёнка — плод их любви. Значит, стоит жить дальше, жить ради детей. Забегая вперёд, скажем, что мальчик родится в декабре 1915 года. Крепыш и молчун, он будет расти на радость матери и бабушке. Имя ему дадут Иван, в честь деда. Алёна, ставшая бабушкой в седьмой раз, приговаривала, играя с малышом:

— Ну вот, дождались последыша. Целый Иван Иванович.

— Почему же последыша, мама? Вот вернётся Иван с войны и продолжим, — смеялась в ответ Марьяна.

— Да лет-то вам сколько? Уж не молоды.

— Эх, мама, я только сейчас и поняла, что такое настоящая любовь. От такой любви хоть всю жизнь рожай. А на здоровье мы, слава богу, не жалуемся. Да, Иван Иванович? — и она, подхватив сына на руки, подняв его вверх, закружилась по горнице. Тот молча серьёзно смотрел на неё сверху вниз, как бы говоря: «Ну-ну, давай-давай, только меня не урони и сама не споткнись».

ОПЯТЬ РАЗВЕДКА

Попав на фронт, Иван оказался в Восьмой армии знаменитого генерала Алексея Алексеевича Брусилова, прославившегося ещё в Русско-японской войне своими дерзкими атаками и победами в боях с самураями. Теперь перед армией стояли Карпатские горы, покрытые густым многовековым лесом. Узнав, что среди солдат есть опытный разведчик, кавалер двух «Георгиев», генерал тут же приказал доставить его в штаб. Увидев Ивана, он обратился к нему с шутливым укором:

— Что ж ты, брат, с таким опытом и в обозе? Не стыдно? Тебе лет-то сколько?

— Сорок четыре, ваше высокоблагородие.

— Ну вот. Демобилизация у нас с сорока девяти, а тебе ещё пять лет служить можно. Вон ты крепкий какой. Крепче меня, ха-ха.

— Да меня в обоз из-за ран определили, а сам-то я завсегда повоевать готов.

— Вот и славно. Есть к тебе просьба — помоги нам с разведкой. Хороших разведчиков мало, а нам нужны сведения, нужны «языки». Собери себе команду и обеспечь нас, пожалуйста, достоверной информацией о противнике. И это уже приказ. Действуй от моего имени. Всё, что тебе нужно, предоставят в полном объёме. Если есть какие просьбы, говори прямо сейчас, не стесняйся.

— Просьба у меня одна, господин генерал. Мне в команду откомандируйте четверых. Трое — сыновья мои: Пётр, Иннокентий и Василий. Служат в Оренбургской казачьей дивизии. Четвёртый — Степура Игнат. Он «пластун» в Кубанской дивизии на Кавказе, сейчас против турок воюет. Дайте мне их в команду, и тогда уж чем-чем, а «языками» мы вас обеспечим.

Услышав просьбу Ивана, Брусилов повернулся к своему адъютанту и, глядя на того, медленно произнёс:

— Сынов твоих мы тебе доставим, а вот «пластуна» с Кавказа вряд ли. У них там тоже дел хватает, и нам его просто так не отдадут. Возьмёшь кого-нибудь другого. Есть что ещё?

— Никак нет.

— Ну тогда действуй. Неделя тебе на подготовку, и чтоб «языки» мне были. Ступай.

— Есть, — откозыряв, Иван чётко повернулся кругом и строевым шагом вышел из кабинета командующего.

На следующий день он уже встречал сыновей, радостно обнимая и похлопывая их по плечам:

— Добре, добре. Вот мать-то с бабушкой обрадуются, когда узнают. Не зря я за вами пошёл.

— Батя! Здорово! Ты как здесь? — наперебой лезли обниматься сыны.

— Да вот, буду у вас командиром. Сам Брусилов приказал. Думали на войну от меня сбежать? Не-е-ет, соколы мои, я вас и здесь хворостиной достану.

И вот разведгруппа, состоящая из трёх сыновей и отца, приступила к подготовке для выполнения задания по добыче «языков». Вместо Игната Иван решил никого не брать, посчитав, что вполне справятся как есть, вчетвером.

— Главное в нашем деле — осторожность, смекалка и беспрекословное подчинение командиру, то бишь мне. И не бздеть. В прямом и переносном смысле. Если что, накажу и как командир, и как отец. Уж и не знаю, что страшнее. Рубитесь вы хорошо, стреляете почти как я. В рукопашной вас не взять. А вот опыта боевого у вас маловато. Поэтому делать всё, как я скажу, а там глядишь и сами командирами станете. И вот ещё что. Крови не бойтесь. Это война. Если не вы врага, то он вас. И будет тогда всем нам горе. Вы братья, в ответе друг за дружку, а я в ответе за вас за всех. Не подведите меня, сынки.

РЕЙД

Спустя ровно неделю разведчики Татаренко вышли в рейд за «языком». Лес на Карпатских горах сильно отличался от лесов Маньчжурии. В отличие от дальневосточных смешанных кедрово-реликтовых лесов, здесь преобладал европейский бук, достигавший сорока метров в высоту и до метра в диаметре. Рядом с ним росли ель и пихта, создававшие под собой полумрак в любую жару. Под листьями, густо укрывавшими землю, лежал тонкий, но очень скользкий слой глины, по которому можно было скатиться с горы как зимой на санках. Особенно опасно было после дождя. Мокрая глина не оставляла ни шанса пройти по ней даже несколько метров не упав. Но природная смекалка и тут не подвела наших солдат. Заранее изготовив из конских подков железные полукольца с шипами, разведчики привязали их к подошвам своих сапог, что позволило им уверенно перемещаться в любую погоду по скользким склонам Карпатских гор.

Пройдя безопасную зону, группа сделала небольшой привал перед тем, как войти на вражескую территорию, где об отдыхе уже не могло быть и речи.

— Батя, зачем эта война? Чего этим австриякам надо? Жили мы, жили, никого не трогали, и тут на тебе — война, — задавая вопрос, ответ на который давно интересовал не только его, но и многих других солдат, младший, Василий, скривил кислую рожицу.

— Да это всё политика, — решил ответить за отца старший из сыновей, Пётр. — Цари своими причиндалами меряются, кто сильнее. Ну и чтоб нам служба мёдом не казалась, чтоб не застаивались.

— Нет, Петро, — отец отложил в сторону винтовку, — плохо вы, ребята, в этом деле подкованы. Нам атаман сразу всё объяснил. Дело тут в вере нашей православной. Они, католики, всегда нас ненавидели, как и турки-мусульмане. Вроде как их вера вернее. А ведь бог-то он один. И истина одна — добро всегда побеждает зло. Когда-то ваш дед Никанор воевал с турками, спасая болгар и сербов от полного уничтожения. Теперь вот мы продолжаем его дело, бьёмся с германцами и австрияками здесь, а другие с турками на Кавказе. А ещё всем им завидно, что у России такие просторы — Урал, Сибирь, Дальний Восток, Кавказ, Север бескрайний. Вот и норовят откусить кусок, да побольше, от наших богатств, ну а нас, известное дело, в рабство или чтоб дань платили, как Мамаю когда-то. Но мы с вами им этого не позволим, потому что нет на свете никого сильнее русского солдата. Вот так-то, други мои. Помните присягу и помните, чьи вы дети и внуки.

— Да неужто все они такие гады? — не выдержал средний сын Иннокентий. — Неужто простым людям тоже воевать охота?

— Нет, конечно. Но головы им сильно задурили, и теперь уж по-хорошему разойтись не получится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.